

Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС
Университет Сэйнан Гакуин

Е.Б. Ковригин

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

Хабаровск
ИЭИ ДВО РАН
2018

Economic Research Institute
Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences
Far Eastern Institute of Management, Branch of RANEP
Seinan Gakuin University

E.B. Kovrigin

GEOPOLITICAL HISTORY OF JAPAN

Khabarovsk
ERI FEB RAS
2018

УДК 327
ББК 66.5
К 568

Ковригин Е.Б.

Геополитическая история Японии / науч. ред. О.М. Рензин ;
ИЭИ ДВО РАН ; ДВИУ РАНХиГС ; Университет Сейнан Гакуин. –
Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2018. – 155 с.

ISBN 978-5-906118-31-8

В книге описаны и проанализированы основные этапы позиционирования Японии в качестве страны-лидера – сначала в азиатском мире, а затем и в глобальном масштабе. Раскрыты сложные механизмы взаимосвязи самоорганизации японской государственности и условий реализации внешнеэкономических и внешнеполитических проектов Японии на протяжении XIX–XXI вв. Представлена авторская интерпретация сложных и неоднозначных мотивов, целей и задач японской геополитики, ее преемственности и трансформации. Книга предназначена для студентов, бакалавров, магистрантов и аспирантов, а также профессиональных исследователей, специализирующихся на изучении актуальных проблем мировой экономики и политики, изучающих процессы взаимодействия стран – основных стратегических игроков в Северо-Восточной Азии, участвующих в разработке сценариев и прогнозов развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Чтение этой работы может быть полезно и профессиональным востоковедам, и неопитам, входящим в мир исследований восточных цивилизаций.

Ключевые слова: геополитика, геоэкономика, история, Япония.

Рецензенты:

Чудесов В.В., д-р ист. наук, проф.

Суслов Д.В., канд. экон. наук

Печатается по решению

Ученого совета ИЭИ ДВО РАН и Ученого совета ДВИУ РАНХиГС

ISBN 978-5-906118-31-8 © Ковригин Е.Б., 2018
© ИЭИ ДВО РАН, 2018
© ДВИУ РАНХиГС, оригинал-макет, оформление, 2018
© Университет Сэйнан Гакуин, 2018

Kovrigin E.B

Geopolitical History of Japan / scientific editor O.M. Renzin ; Economic Research Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences ; Far Eastern Institute of Management, Branch of RANEPa ; Seinan Gakuin University. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2018. – 155 p.

The book discusses main stages of Japan's positioning as one of the leading nations first regionally, within Asia-Pacific, and then in the global perspective. The author reveals a complex mechanism connecting self-organization of Japanese nationhood and conditions for implementation of Japanese external political and economic projects throughout the period from 19 to 21 centuries. As a seasoned expert and analyst, author shares with the readers his insightful interpretation of complex and ambiguous motives, objectives and imperatives of Japan's geopolitics seen in their continuity and transformation. The book is addressed to university graduates, bachelors and undergraduates, as well as professional researchers of topical problems of the world economy and politics, experts studying the process of interaction between major strategic actors in Northeast Asia, and those who participate in the development of scenarios and forecasts for the APR. The book might be useful for both professional orientologists and neophytes entering the marvelous world of the studies of Eastern civilizations.

Keywords: geopolitics, geo-economics, history, Japan.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. О понятии геополитики как науки и практики ...	7
1. Введение в японскую геополитику: особенности японского архипелага	13
2. Древность и средневековье: межрегиональные усабицы и первые международные контакты.....	20
3. Период великой самоизоляции.....	39
4. Модернизация и вхождение в стадию империализм.....	53
5. Милитаризм и военная экспансия в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	69
6. Большая геоэкономическая стратегия: японский меркантилизм.....	89
7. Япония на перепутье: геополитика и геоэкономика в XXI веке.....	116
Список литературы.....	145

CONTENTS

Foreword. On the Notion of Geopolitics as a Science and Practice	7
1. Introduction to the Japanese Geopolitics: Features of the Archipelago.....	13
2. Antiquity and the Middle Ages: Inter-Regional Strife and Early International Contacts	20
3. The Period of Great Self-Isolation	39
4. Modernization and Entry into the Stage of Imperialism	53
5. Militarism and Military Expansion in the Asia-Pacific Region	69
6. Grand Unified Geo-Economic Strategy: the Japanese Neo-Mercantilism.....	89
7. Japan at the Crossroads: Geopolitics and Geo-Economics in the 21 Century	116
References.....	145

Введение.

О ПОНЯТИИ ГЕОПОЛИТИКИ КАК НАУКИ И ПРАКТИКИ

Геополитика как явление существовала с незапамятных времен. Вожди племен и князья, короли и императоры, японские даймё и немецкие курфюрсты, шейхи и раджи, президенты и премьер-министры фактически были постоянно заняты реализацией геополитических планов. На протяжении истории государственные образования чаще всего находились в состоянии войны (агрессивной или оборонительной), или же готовились к войне за свою власть, территорию, ресурсы, пищу, рабов, чужие богатства, за распространение своих религий или же за возвращение отобранных кем-то у них благ.

В научный оборот понятие «геополитика» в конце XIX – начале XX в. ввела группа мыслителей, среди которых выделяются шведский ученый Рудольф Челлен (1864–1922 гг.) и немецкий теоретик Фридрих Ратцель (1844–1904 гг.). Классиком геополитической науки считается также британский географ и политик Хэлфорд Маккиндер с его теорией «Хартленда» – зоны, которая практически недоступна для морского проникновения (Русская равнина, Западная Сибирь и Средняя Азия) и которая является центром сосредоточения «континентальной силы» и способна управлять всем «мировым островом».

Возможно, самое цитируемое в профессиональной литературе, хотя и одиозное, определение геополитической науки принадлежит немецкому политологу Карлу Хаусхоферу. Он сформулировал ее как «обоснование обязанности защищать право на почву, то есть на землю в самом широком смысле, причем право не только на землю в пределах собственных имперских границ, но и на расширение пространства для своего народа, своего культурного ареала» (1935 г.). Из-за того, что Хаусхофер жил и работал в нацистской Германии, и его труды использовались немецкими политиками, впоследствии изучение геополитики на какое-то время стало считаться «политически некорректным» и даже недопустимым. Например, в Японии, во время американской оккупации в 1945–1952 гг., исследования в области геополитики вообще были запрещены, а в СССР в сталинский период она считалась буржуазной лженаукой.

Геополитика, как наука об отношении земли (территорий и акваторий) и политических процессов, зиждется на широком фундаменте географии (геополитика всегда привязана к определенной местности) и истории. Она ставит во главу угла исследование прямых и обратных связей между особенностями территории и балансом мировых политических сил. Поскольку геополитика относится к молодым наукам, до сих пор в научной литературе нет всеми принятой формулировки понятия «геополитика», и авторы зачастую трактуют его весьма широко. Обычно под данным понятием понимается сумма основных приоритетов внешней политики и стратегии государства (или блока государств), соответствующих идеологических механизмов контроля или обретения власти над пространством. Заключение военно-политических союзов между государствами также входит в компетенцию геополитической науки. Из-за широты толкования геополитическая наука может инкорпорировать экономические, истори-

ческие, военные, политологические, природно-ресурсные дисциплины, исследования международных отношений и т. д. Самое краткое определение, которое можно дать науке о геополитике: система знаний о контроле над пространством.

Чаще всего объектом геополитики являются внешние территории, но на определенных этапах (в частности, до создания национального государства) она может быть и «внутренней», между частями по сути дела одного и того же народа. В этом смысле характерным примером может служить военно-политическая эволюция мелких германских или итальянских государств до объединения в XIX в. В нашем случае во временном отношении большая часть японской истории (до начала XVII в., времени окончательного объединения кланом Токугава) представляет собой внутреннюю борьбу, которая объективно велась в интересах создания централизованного и единого государства.

Помимо географии или истории, ряд авторов к важным геополитическим факторам также причисляют некоторые стратегические продукты (например, нефть или золото), число источников которых ограничено. Наконец, правомерно считать геополитическим фактором и само население, состояние его духа, уровень пассионарности у народов, населяющих данное пространство (Л.Н. Гумилев, Ж.-Ф. Дюмон и др.).

Иногда субъектами геополитики являются не только национальные государства. Достаточно вспомнить деятельность американской «Юнайтед фрут компании» в 1890–1950-х гг. в Центральной и Латинской Америке. Эта транснациональная корпорация решительно влияла на политику ряда так называемых банановых республик, могла свергать неугодные правительства и справедливо обвинялась в неокOLONIALИЗМЕ. Другим примером негосударственной геополитики

может служить деятельность жесткой исламской экстремистской организации ИГИЛ (запрещена в России) в Сирии и Ираке, намеревающейся установить средневековый халифат от Синьцзяна до Испании (второе десятилетие XXI в.).

Геополитика как практика является искусством руководства реальной политикой. Традиционная геополитика подразумевает военно-политическую мощь государства и доминирующую роль географических факторов в отчуждении чужих территорий или в охране безопасности своей страны (хотя часто экспансионизм прикрывается именно заботой о безопасности своих границ). При этом, хотя размеры территории по-прежнему играют важную статусную роль, для большинства государств-наций вопрос территориальных владений постепенно теряет свою значимость. Остающиеся споры, скорее, являются вопросом обиды, вызванной «дурным обращением» соседей с меньшинствами, этнически родственными данному субъекту геополитики.

Во второй половине XX в. важным фактором мирового развития стала геоэкономика. Геоэкономический подход впервые начал разрабатываться в США, а сам термин ввел в научный оборот в 1960-е гг. американский военный историк Эдвард Люттвак. Геоэкономика, в отличие от традиционной геополитики, не требует территориальных захватов, а делает акцент на достижении внешнеполитических целей, могущества и места в мире экономическим путем. В предмет изучения геоэкономики входят процессы развития не только государств и региональных образований, но и трансграничных структур – экономических, финансовых и интеграционных объединений, транснациональных корпораций и т. д. Именно для истории Японии почти весь послевоенный период характеризуется господством геоэкономического подхода в ее внешних планах.

Эта книга посвящена геополитической истории Японии. Ее отличие от истории международных отношений или описания внешней политики страны состоит в том, что геополитическая история предстает как история борьбы за контроль над географическим или экономическим пространством. Территория Японии не всегда была одинаковой. Собственно, нынешние очертания она окончательно приобрела лишь в 1972 г. – с возвращением Окинавы после десятилетий американского контроля. До этого бывали времена, когда ни Окинава, ни Цусима, ни большая часть острова Хоккайдо Японией не контролировались. С другой стороны, более или менее длительное время территорией Японской империи считались Корея, Тайвань, Южный Сахалин, Курильские острова, а де факто и Маньчжурия. Более того, под кратковременной оккупацией Японии во время Тихоокеанской войны оказались огромные пространства Китая, Океании и притихоокеанских территорий, в которых насаждался японский дух. Поэтому уместно при изучении Японии дать очерк геополитической истории страны, дающий представление о том, как географически расширялись (или сокращались) пределы Японской империи, как менялись сферы ее экономического, политического и административного контроля, в какие союзы она вступала, а также каковы были причины и последствия этих изменений.

Тексты, включенные в данную книгу, основаны на материалах лекционного курса, который автор читал в 1992–2016 гг. в университете Сэйнан Гакуин (г. Фукуока, Япония) для японских и иностранных студентов, а также лекций, прочитанных в вузах Сиэттла, Канберры, Лондона и Мюнхена. За моральную и информационную поддержку автор благодарит свой родной Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Россия), в котором работал с 1981 г., в особенности директора и научного руководителя Инсти-

тута академика П.А. Минакира и заместителя директора О.М. Рензина. Автор признателен также Дальневосточному институту управления – филиале РАНХиГС и своей «альма матер» – Восточному факультету Санкт-Петербургского университета.

1

ВВЕДЕНИЕ В ЯПОНСКУЮ ГЕОПОЛИТИКУ: ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО АРХИПЕЛАГА

Япония раскинулась на дальней окраине евразийского материка на берегу великого Тихого океана. Будучи покрытым горами, удаленным, часто подверженным стихийным бедствиям, с малыми природными ресурсами, лишенным плодов западной промышленной революции, этот архипелаг представлялся маловероятным местом для того, чтобы там появилась одна из самых мощных в мире держав. Тем не менее, японский народ и его руководство менее чем за столетие (XIX–XX вв.), начав практически с нуля, сумели создать великое национальное государство. Уже с начала 1900-х гг. роль Японии стала являться центральной с точки зрения любой военно-политической концепции Тихоокеанского региона. С 1960-х гг. она переросла статус просто крупной региональной державы, ибо с тех пор ее экономика приобрела глобальное значение.

Геополитически Япония расположена на стыке интересов США, Китая и России. На этом фоне примечательно то, что Япония оказалась единственной территорией (страной), по всему периметру Ти-

хоокеанского бассейна (за исключением Таиланда), которая сумела не стать колонией или полуколонией других держав, хотя такая опасность, по крайней мере, теоретически дважды существовала (в XIII и XIX вв.). Ее островное положение двояко (противоположным образом) влияло на безопасность страны. С одной стороны, геополитически Япония оставались малодоступной даже в XX в.: например, трудности обеспечения наземного вторжения явились главной причиной того, что американцам пришлось применить абсолютное оружие – атомные бомбы, чтобы поставить Японию на колени. С другой стороны, как архипелаг, Япония крайне уязвима с точки зрения снабжения первичными материалами извне.

В этой работе рассматриваются наиболее важные факторы и фазы японской практической геополитики (геоэкономики) как осознанной деятельности, ее изменение во времени. Ретроспективно, глядя из XXI в., стратегические цели поколений японских элит (так сказать, японские геополитические императивы) представляются следующими. Во-первых, им было необходимо добиться внутреннего единства и установить центральную власть на архипелаге. Во-вторых, Японии, как островной стране, логика предписывала установление господства над близлежащими морями и периферийными островами. В-третьих, был необходим контроль над стратегическими проливами и подходами к Японскому архипелагу. В-четвертых, после отказа от самоизоляции назревала необходимость завладеть природными и другими ресурсам зарубежных территорий – Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и Океании. Выполнение этих задач растянулось на полтора тысячелетия, до тех пор, пока последний, четвертый «императив» не потерпел крах в 1945 г., что вынудило Японию в корне изменить свою стратегию.

Через призму этих целеполаганий представляется необходимым кратко показать, как Япония, исходя из своих географических особенностей, в разные периоды своего существования:

- через внутренние конфликты и гражданские войны шла к объединению своего пространства в единую общность;

- принимала превентивные меры, чтобы не стать чужим владением, временами на века почти изолируясь от всего мира;

- опираясь на индустриализацию, встала на путь безудержного военного экспансионизма в Азиатско-Тихоокеанском регионе и потерпела тотальный крах;

- перешла к стратегии неомеркантилизма, став почти на столетия маяком для мировой экономики, в особенности для развивающихся стран;

- с начала XXI в. оказалась на перепутье, раздумывая о своем будущем: становится ли ей азиатским вариантом современной Англии или вступить на какой-то новый путь.

С точки зрения геополитики, Япония обладает некоторыми уникальными чертами, которые отличают ее от большинства других держав.

Во-первых, история международных связей Японии относительно бедна по сравнению с Китаем, Индией или странами Европы. Большую часть нашей эры японские правители почти не помышляли о выходе за пределы своего архипелага, а были заняты либо внутринациональной борьбой, либо мерами по изоляции страны от внешнего мира. При этом, до середины XVI в., и без того скудные международные контакты Японии (как торговые, так и военные), практически ограничивались только двумя соседними территориями, которые и были ее естественной ойкуменой, т. е. восточной частью нынешнего Китая и Корейским полуостровом. Неудивительно, что Ко-

рея, как ближайший сосед, неоднократно оказывалась для Японии первой целью захвата, в том числе и в превентивных целях: с корейской территории Японию могли атаковать другие народы с Запада – монголы, китайцы, маньчжуры, русские и т. д. (В начале XX в. королевство Чёсон окончательно оформилось как японская колония.)

В Европе про страну Дзипангу узнали лишь в XIII в. от Марко Поло, который сам в ней не бывал. До середины XVI в., среди европейских держав никаких попыток установить связи, а тем более завоевать ее не прослеживается. Тогда испанские и португальские католические миссионеры пытались прельстить японских даймё христианством, и даже на какое-то время преуспели в этом, но в конечном итоге потеряли доступ в страну. Япония фактически была мало известна европейцам, а доступ туда до появления паровых судов был крайне затруднен технически, так что угрозы иностранного военного вторжения практически не существовало. С конца XIX в., география межгосударственных контактов резко расширилась, однако они все равно естественным образом концентрировались в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Во-вторых, геополитическая история контактов Японии крайне неоднородна, представляет собой цепь шатаний между замкнутостью и очень активной экспансией (преимущественно военной, но не только), меняясь обычно в ответ на резкие изменения во внешней среде. В некоторые периоды (в частности при правлении сёгунской династии Токугава), самоизоляция страны была практически полной. Но периодическая готовность Японии завладеть тем, что она не имела дома, перетекала в крайнюю экстравертность. Перемены в поведении Японии происходили так исторически быстро и неожиданно, что ее геополитику подчас называют «тектонической», сравнивают с вулканом, который может долго находиться в дремлющем состоянии,

но может и взорваться с крупными последствиями для внешнего мира.

В-третьих, на протяжении всей истории в стране не возникало крупных лидеров, на которых можно было возложить главную ответственность за внутреннюю и внешнюю политику страны. В Японии не было фигур такого масштаба как Тамерлан или Чингисхан, Бисмарк или Наполеон. Несмотря на то, что в стране формально существовала двойная (сёгун и император), а подчас и тройная (те же плюс сиккэн) система руководства, политическая история здесь размазана, деперсонифицирована, большей частью является продуктом дискуссий и коллективного консенсуса в руководстве. Здесь не бывало диктаторов наподобие фюрера или дуче. Затруднительно назвать даже конечного главного виновника развязывания Тихоокеанской войны в недавнем прошлом, в XX столетии.

В-четвертых, японцы не знают себе равных в искусстве заимствования иностранных практик, добавляя к ним свою национальную специфику. Во время периодов имитации энергия направлялась к источнику знаний, получить которые японцы хотели от более продвинутых стран.

Так было в первом тысячелетии, когда из Китая были импортированы религия, моральные императивы, культура, письменность и многое другое. Даже само название страны в середине VI в. было изменено на китайский манер: она получила название Нихон (также Ниппон, по-китайски Жибэнь). Означающее «корни солнца» слово было отражением того факта, что для китайцев солнце встает со стороны Японии.

Когда в XVI в. в Японии появились португальцы, у них крайне быстро научились производству и использованию огнестрельного оружия. В южной части страны при этом с удивительной скоростью

(правда, совсем ненадолго) стало распространяться христианство. От голландцев японцы восприняли достижения европейских научных и медицинских знаний. В XIX в. они виртуозно имитировали западную индустриализацию, социальные концепции и империалистическую политику. После Второй мировой войны Япония быстро скопировала американский капитализм и потребительскую экономику.

Формально площадь Японии (373 000 км²) в нынешних границах больше, например, площади Германии. Однако три четверти ее территории из-за горного рельефа фактически непригодно для проживания. Жизнь японского общества, большую часть исторического периода, ограничивалась сравнительно небольшими равнинами и узкими клиньями земли вдоль побережья ее островов. Даже сейчас, только двенадцать процентов японской земли (включая о. Хоккайдо, введенный в хозяйственный оборот лишь в XIX–XX вв.), может быть использовано для аграрных нужд. Таким образом едва ли не самым значимым географическим фактором для архипелага постоянно являлся дефицит земли, пригодной для жизни населения и хозяйственной деятельности.

Япония обладает тремя основными равнинами, где концентрируется население страны, все из которых расположены на Хонсю. Крупнейшая из них – равнина Канто, где сейчас находится столица страны – самый большой мегалополис мира Токио. Другой плодородной низменностью является Кинки (она же Кансай или Ямато), включающая в себя бывшую императорскую столицу Киото и второй коммерческий центр страны – город Осака. Наконец, третья агломерация располагается на равнине Мино-Овари (Ноби) и концентрируется вокруг города Нагоя. До колонизации Хоккайдо в XIX в. эти три равнины обеспечивали основную часть продовольствия, в первую очередь риса, для жителей Японского архипелага. (Роль риса была

настолько велика, что до 2001 г. министерство финансов Японии официально именовалось «министерство большого амбара».)

Скудность пахотной земли вела к тому, что ее ревностно охраняли и за нее яростно сражались. Контроль над землей, налогами и запасами продовольствия (риса), означал и политическую власть. Враждующие кланы веками боролись за контроль над равнинами Кинки и Канто. Во временном отношении большая часть японской геополитики представляет собой, таким образом, внутреннюю борьбу, которая объективно должна была закончиться созданием централизованного и единого государства. Все многочисленные войны древней и средневековой Японии (за исключением экспедиции в Корею в 663 г., монгольских нашествий в 1270–1280-х гг., а также Имчжинской войны в конце XVI в.), говоря современным языком, есть не что иное, как гражданские войны.

2

ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ УСОБИЦЫ И ПЕРВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ

В период Яёи (по официальной хронологии III в. до н. э. – III в. н. э.) происходило массовое переселение в Японию выходцев с континента, преимущественно через близлежащий Корейский полуостров. Корея (в основном королевство Пэкче) играла значительную роль в формировании материальной культуры Японии, прежде всего за счет миграции более продвинутых в технологическом отношении ремесленников, влившихся в состав японского этноса. Не без их влияния на о. Кюсю образовалось одно из первых японских квази-государств. Известно, что в 57 г. н. э., в частности, ханьский император Китая пожаловал титул короля правителю народа Ва (на территории нынешней Фукуоки). В III–IV вв. н. э. наиболее сильным протогосударственным образованием на территории архипелага стало Яматай (или Ямато). Следует, правда, отметить, что начало периода Ямато нашло отражение только в мифологии, а первым исто-

рическим записям мы обязаны иностранным хронографам – китайцам и корейцам.

Ко второй половине VI в. Ямато объединило под своей властью все земли на юге Хонсю, на островах Кюсю и Сикоку, уничтожив или изгнав с исторической сцены автохонов Японских островов – кумасо на юге, а также эмиси (эбису или эдзо, по-видимому, предков современных айнов) на севере. В конечном итоге, японцы лингвистически и культурно стали весьма однородной массой (при сохранении диалектов). Межэтническая борьба на архипелаге перестала быть большой геополитической проблемой для Японии, и ее заменили конфликты между кланами и регионами.

Древняя Япония принимала активное участие в межгосударственных отношениях в своей ойкумене. В частности ее правители вмешивались в политику Корейского полуострова, поддерживая юго-западное королевство Пэкче в его борьбе с соседями. Располагая крупным (по тем временам) морским флотом, дружественное корейское государство служило перевалочным пунктом для распространения в Японии буддизма, китаецентричной культуры и цивилизации. С Пэкче связан и первый военный дебют Японии за пределами архипелага. Для спасения Пэкче от опасности со стороны военного союза другого корейского государства Силла, с тогдашней китайской династией, Япония направила на юг Корейского полуострова вооруженный корпус.

Однако этот опыт был не слишком удачен. Войска империи Тан (618–907 гг.) в союзе с Силла в 660 г. разгромили войска Пэкче. Принц и часть придворных бежали в Японию, попросив у ее императора оказать военную помощь, чтобы восстановить государство. Император поддержал Пэкче, отправив на полуостров 30 000 своих солдат. В 663 г. произошла «битва при реке Пэккан» между союзны-

ми силами китайской империи Тан и Силла с одной стороны и коалицией японского государства и добровольцев Пэкче с другой. Битва при Пэккан обернулась сокрушительным поражением для Ямато.

Но и из поражения Япония извлекла определенную выгоду. Спасая свою жизнь, на архипелаг прибыли тысячи корейских беженцев, среди которых были опытные администраторы, люди искусства и ученые, которые были инкорпорированы в местный управленческий аппарат (даже нынешний император Акихито признал, что в его жилах течет корейская кровь). После этой волны миграции массивных притоков пришельцев на архипелаг не наблюдалось, и японский этнос развивался из наличного генофонда. Особенно важно отметить, что после неудачи на Корейском полуострове Япония почти на 1000 (!) лет отказалась от каких-либо геополитических попыток за пределами архипелага. Другими словами, в течение тысячи лет страна обходилась без единого завоевательного похода.

Поражение коалиции Японии и Пэкче могла привести к нападению Танской империи и на Японию. Под угрозой китайского вторжения японцы прекратили активные внешнеполитические сношения, отказались от вмешательства в дела Кореи, и сосредоточилось на укреплении своих западных земель. Поэтому период враждебности с Китаем оказался недолгим. Япония весьма ценила добрососедские отношения с империей Тан (которая сменила династию Суй в 618 г.) и признала формальную вассальную зависимость от танских властей. В 680-х гг., всего через полтора десятка лет после «битвы при Пэккан», дипотношения с империей Тан были официально возобновлены. Всего в VII в. ко двору династий Суй и Тан с дарами и данью из Японии было направлено более десятка дипломатических миссий, продиктованных скорее не достижением политических целей, а интересом к достижениям китайской государст-

венности, культуры, религиозным делам. Собственно, теперь все «окультуривание» древней Японии шло уже не через Корею, а прямо из Китая. Из Китая пришли иероглифика, конфуцианство, архитектура, зеленый чай и многое другое. (Даже японское кимоно идентично одежде эпохи Тан). Из Китая стали регулярно приезжать в Японию буддийские миссионеры. По распространенному мнению, рассматриваемый период можно характеризовать как первую фазу активных заимствований.

Важным источником знаний о Китае (наряду с редкими дипломатическими миссиями) являлись сыновья японской элиты, посылавшиеся на обучение в империю Тан. По некоторым подсчетам за VII–IX в. в Китае побывали 600–700 японцев. За рубежом они проводили 10–20 и более лет, изучая китайскую литературу, историю, право, религии. По возвращении на родину многие из них были готовы «специалистами» в области буддизма, конфуцианства, располагали подробными сведениями о государственном и общественном строе Танской империи, ее политике и внутреннем положении.

В структуре и духе государственного управления Ямато-Нихон был явно использован китайский опыт централизованного государства. В частности был создан первый свод законов, были учреждены должности политических советников правительства, которые заняли знатоки Китая. По китайскому же примеру, вводился девиз правления императора и летоисчисление по этим девизам.

На эти же века (период династии Тан) также пришелся расцвет японской торговли с Китаем, который тогда опережал остальные современные страны мира в своем развитии. В VIII–XI вв. упоминавшийся выше портовый город На (позже его стали называли Хаката, а еще позже Фукуока) служил местом отправки японских посольств в Китай и Корею, а также и первым портом, который принимал ино-

странных послов и купцов в Японии. До сих пор во многих топонимах в Фукуоке используется иероглиф, обозначающий «Танскую империю».

Период Асука закончился установлением в 710 г. первой постоянной столицы страны Нихон в городе Хэйдзё (впоследствии – город Нара) в регионе Кинки-Ямато, а в 794 г. перенесена в Киото (Хэйан) в той же долине. Киото стало постоянным местопребыванием императорского двора до 1868 г. В обоих случаях моделью для этих городов послужила столица Танской империи – город Сиань. Долина Ямато была стратегически хорошо расположена, чтобы доминировать над остальными регионами: она окружена горами для защиты от врагов, богата сельскохозяйственными землями и выходит на Внутреннее Японское море, удобное для рыболовства и открытое для морской торговли.

Если с VII по X в. Япония посылала регулярно своих ученых за границу и тщательно пыталась воспроизвести китайскую государственную систему, то потом частота таких поездок стала уменьшаться. Началось серьезное ограничение торговли на два столетия (X–XI вв.), прерваны официальные отношения. С X по XIII в. Япония была большей частью изолирована от внешнего мира. Для изоляции было две причины: (а) кровавые междоусобные войны, в которых истощался воинственный потенциал феодалов, и (б) растущее ощущение самодостаточности Японии, «ненужности» Китая.

В начальной стадии периода Хэйан (794–1192 гг.) централизованное правительство, организованное по китайскому образцу, установило налоговую систему (в зависимости от урожайности земель), которая позволила на какое-то время удерживать власть. Однако горная география Японии и неразвитая дорожная сеть мешали двору контролировать власть над отдаленными территориями, обеспечивать

лояльность их элит и собирать налоги. К середине IX в. крупнейшие военные феодалы (даймё, буквально «большое имя») в провинциях сумели ограничить контроль центра над своими владениями. Вокруг даймё образовались преданные им частные армии самураев (они же «буси» – служилая военная прослойка), которые состязались в борьбе за доминирование на местах и в регионах. Время от времени меняясь в результате кровопролитных межрегиональных войн, могущественные кланы превратили императорский двор в марионеточную власть, установив традицию правления из-за кулис. На многие века вперед императорский двор в Киото стал лишь сакральным центром государства, и контакты подданных с изолированным «руководителем» страны не допускались. Хотя официально верховная власть в государстве принадлежала императору и его двору в Киото, реально они утратили свое господствующее положение почти на 1000 лет: император вынужден был соглашаться с решениями сёгуна под угрозой «добровольного» отречения от престола. Никим образом не влияли императоры и на внешнюю политику государства. (Когда в XVI в. в Японии впервые появились европейцы, они даже не догадывались о том, что «де-юре» руководителем страны является не сёгун, а император.)

Начиная с IX в. фактическая власть в стране сосредоточилась в руках семьи Фудзивара. Члены клана выдавали своих дочерей за малолетних императоров и правили в качестве регентов при императорах. Однако наступил момент, когда в роду не осталось дочерей на выданье, и влияние Фудзивара резко пошло на убыль. На этом фоне в XII в. развернулось эпическое соперничество за реальную власть между двумя самыми мощными кланами военных – кланом Минамото (Гэндзи) и кланом Тайра (Хэйкэ). Кровопролитная вражда длилась с переменным успехом долго – с 1159 по 1185 г., когда в резуль-

тате умелых боевых действий клан Минамото победил Тайра в решающей морской битве в заливе Данноура, у современного города Симоносеки на юге Хонсю (апрель 1185 г.).

Будучи одной из самых масштабных в истории Японии, битва при Данноура ознаменовала конец влиянию рода Тайра и обеспечила гегемонию клана Минамото в Японии. Сам Минамото Ёритомо является одной из ключевых фигур японской истории. Он основал первый из трех сёгунатов, положив начало многовековому правлению военной аристократии в Японии.

В истории Японии было три сёгуната – Камакурский, или Минамото-Ходзё (1192–1333 гг.), Асикага или Муромати (1333–1573 гг.) и Токугава (1603–1868 гг.). Битва при Данноура расчистила путь к созданию первого самурайского правительства – так называемого Камакурского сёгуната (1192–1333 гг.). От императорского двора Ёритомо добился титула «сэйи-тайсёгун» (буквально: «великий полководец, карающий варваров»). Рыбачье селение Камакура (недалеко от нынешнего Токио), где размещалась его штаб-квартира, он превратил в свою постоянную резиденцию. С 1192 г. вся власть сосредоточилась в его руках, а новым органом управления империей стала так называемая полевая ставка (бакуфу). Благодаря тому, что сам сёгун, его министры и их помощники были самураями, приоритет самурайского сословия стал ощущаться во всех сферах общественной жизни Японии. Сложились устои неписаного кодекса поведения самураев «Путь лука и скакуна», позже превратившегося в свод заповедей «бусидо».

Итак, отныне сёгун становился самым могущественным человеком в феодальной Японии. Феодалов-даймё он назначил военными губернаторами и земельными администраторами на территории их владений. С установлением Камакурского правления богатейшие

даймё укрепили свои позиции, достигли высокого официального положения и получили новые легальные возможности для изъятия налогов. В геополитическом смысле реальный центр страны переместился от долины Кансай к долине Канто, которая была не только обширнее и более продуктивна, чем Кансай, но также и лучше расположена стратегически, в частности, имела прямой выход на Тихий океан.

Самому Минамото не удалось создать долговременную династию. После его смерти регентство над его малолетним сыном перешло к самурайскому роду Ходзё, глава которого помог Ёритомо основать Камакурский сёгунат.

Несколько поколений Ходзё, формально считаясь регентами (сиккэн), более столетия (1203–1333 гг.) фактически были правителями Японии, а также губернаторами Киото. Получалось, что и императоры в Киото, и сёгуны Минамото в Камакуре являлись марионетками сиккэнов.

Вторая причина относительной изоляции Японии от внешнего мира (фактически от Китая) в X–XIII вв. заключалась в следующем. Обычно контакты между Японией и Китаем происходили по инициативе японской стороны, особенно когда она была заинтересована в активном заимствовании. Однако со времени раскола Сунской империи (1127 г.) в китайской цивилизации наметилась фаза упадка. В Японии все шире распространялась мысль о том, что культурное величие Китая стало делом прошлого, а его развитие остановилось. Начался процесс пересмотра отношения японцев ко всему китайскому. Японская элита начала ощущать себя более самодостаточной, полагая, что в Китае не осталось поля для заимствований. Более того, по ее представлениям выходило, что именно Япония сумела развить

достижения китайской цивилизации и придать им завершённую форму. Так или иначе, регулярные связи с Китаем были прерваны.

При правлении клана Ходзё, в конце XIII в. страна столкнулась с самой, может быть, серьёзной опасностью за всю свою историю – быть поглощённой империей Чингизидов, раскинувшейся к тому времени от Кореи до Карпат. Хубилай-хан, внук Чингисхана, в два приема (1271 и 1279 гг.) сверг Сунскую династию в Китае и основал новую, монгольскую династию, дав ей имя Юань (1271–1368 гг.) и подчинив своей власти соседние с Китаем страны – Бирму, Камбоджу, Корею. Столицей юаньского Китая стал Ханбалык (впоследствии Пекин).

Следующим этапом экспансии Хубилая была задумана Япония. Две попытки поработить Камакурский сёгунат пришлось на 1274 и 1281 гг. Обстоятельства обеих экспедиций схожи до степени смешения. В обоих случаях посольства Хубилай-хана с требованиями подчиниться были проигнорированы сиккэнами из клана Ходзё (причем накануне второго вторжения послы были попросту казнены). В обоих случаях для степняков-монголов большую часть флота соорудили корабельные мастера покоренной Кореи. Основным направлением монголо-китайского удара как в 1274, так в 1281 г. был определен город Хаката на о. Кюсю. В обоих случаях на пути к Японии интервенты захватили прибрежные острова (Цусима, Ики и Такасима) и истребили их жителей, показав тем самым, что могло ожидать саму Японию. Далее, в обоих случаях на побережье залива Хаката войска интервентов провели успешное дневное сражение, отходя на ночь на свои суда. И, наконец, самое главное: оба раза налетевшие тайфуны разметали весь монгольский флот. По большому счету, разнятся только размеры монгольско-китайской армады (900 судов и 40 000 человек живой силы в первом случае и 4400 судов с 142 тысячами матросов и воинов в 1281 г.) и размеры потерь.

Схожесть обоих походов и отсутствие аутентичных японских источников приводят некоторых исследователей к мысли о том, что Хубилай посылал только одну, а не две экспедиции. (Марко Поло тоже упоминает только об одном походе на Японию). Как бы там ни было, страна от порабощения была спасена не столько силой военного сопротивления, сколько силами природы – тайфунами, которые японцы позднее назвали «камикадзе» (божественный ветер). Монголам пришлось навсегда отказаться от попыток покорения Японии, а дипломатические и торговые отношения с юаньским Китаем были прерваны. К сожалению, это негативно отразилось на развитии портового города Хаката (бывший город На) на Кюсю, который долгое время служил важнейшим центром торговли Японии с материком и где, кроме японцев, жили корейцы и китайцы, имевшие собственные кварталы и храмы.

На склоне власти сиккэнов Ходзё старые формы организации производства и общества вступили в период усиливающегося кризиса. Существующим режимом были недовольны многие силы как наверху, так и внизу. Император Годайго и его двор, стремившиеся вернуть себе реальную власть, на какое-то время стали символом единения в борьбе с Камакурским правительством. В 1333 г. камакурская власть была свергнута войсками феодалов Асикага и Нитта в пользу императора, но вскоре Асикага Такаудзи, поднял мятеж, который привел к образованию второго сёгуната – Асикага (1333–1573 гг.). (По названию квартала в Киото, где располагалось военное правительство бакуфу, этот период также фигурирует как эпоха Муромати.) Таким образом, геополитический маятник вновь качнулся в сторону равнины Кансай.

Впрочем, режим Асикага (Муромати) на древней земле Ямато оказался менее устойчивым по сравнению с сёгунатом Минамо-

то-Ходзё. В течение всего нового сёгуната неоднократно вспыхивали мятежи и гражданские войны за перераспределение земель на архипелаге. В стране в XIV в. существовало даже два враждующих императорских дома (в Киото и Ёсино). При сёгунах Асикага внешне сохранялся центральный государственный аппарат, но правительство либо находилось под контролем могущественных феодалов либо было вынуждено делиться с ними полномочиями, в том числе, и в области внешних связей. Свообразными центрами силы стали также буддийские монастыри.

В начале XV в. определенных успехов в укреплении центральной власти сумел добиться третий сёгун династии Асикага – Ёсимицу. Он и его наследники стремились ограничить самостоятельность военных губернаторов (сюго), в частности перемещая последних из одной провинции в другую и препятствуя созданию ими устойчивой базы.

Контроль сёгунов Асикага над военачальниками на местах был недолгим: к середине XV в. они уже переросли в фактически независимых феодалов-даймё (один из них, в частности, даже убил сёгуна Ёсинори в 1441 г.). Образом жизни кланов и самураев была война. Более 250 даймё постоянно враждовали друг с другом. 1467–1477 гг. пришлось на междоусобную гражданскую «войну годов Онин», в которой западные и восточные князья сражались за обладание столицей. В стране свирепствовали банды потерявших своих хозяев самураев-ронинов. В сущности, эта война положила начало более чем столетнему периоду Воюющих государств («сэнгоку дзидай»), в которой воевали поколение за поколением. Формально сёгуны правили еще около ста лет, но свое влияние безвозвратно потеряли.

Между тем, с конца 1330-х гг. стало вновь бурно развиваться мореплавание в Южной Азии, участились визиты иностранных судов

к берегам Японии. Особую роль в возрождении международной торговли сыграло независимое королевство Рюкю (на архипелаге Окинава), выступая торговым посредником между Японией, с одной стороны, и Китаем, Кореей, Сиамом, Аннамом, Малаккой и остальными странами Юго-Восточной Азии – с другой. Центральное правительство возложило обязанности торговли с Рюкю на даймё княжества Сацума (сейчас префектура Кагосима), а потом и вовсе дало им монопольное право на этот вид деятельности. И Рюкю, и Сацума богатели за счет своего уникального положения до тех пор, когда китайское правительство сняло запрет для своих подданных на морскую торговлю.

Кстати, указанный запрет был во многом связан с криминально-меркантилистскими действиями японских купцов и пиратов (вако), между которыми зачастую было мало различия. Вако, напоминая европейских викингов, терроризировали, прежде всего, китайское материковое побережье, но также и Рюкю, Тайвань, Хайнань, побережья нынешних Вьетнама, Таиланда и Малайского полуострова. Пираты, в основном состоявшие из бывших солдат, обедневших крестьян и просто разбойников, долго досаждали азиатским государствам, а позже также стали грабить европейские торговые суда. Жертвами пиратских грабежей оказывались и японские кланы, хотя некоторые из них впоследствии начали нанимать пиратов за деньги и использовать их в своих целях.

XVI в. был не только самым кровопролитным, но и самым насыщенным геополитическими событиями периодом в истории Японии.

В середине этого века произошло проникновение европейцев в страну. В разгар междоусобных войн (сэнгоку дзидай), в 1543 г., шторм выбросил на берег острова Танэгасима (близ южного Кюсю)

корабль невиданных прежде «южных варваров» – португальцев. (Правда, в Японии распространено мнение, будто «кораблекрушение» было спланированной иезуитами акцией, за которой следовали далеко идущие геополитические намерения католической церкви.) Португальцы впервые познакомили японцев с огнестрельным оружием – мушкетами, которые с тех пор стали называться по имени острова «танэгасима».

Мушкеты, а позже и пушки, изменили природу клановых конфликтов, стали новым оружием, способным принести победу в войнах. Поэтому южные князья сразу же распахнули европейцам свои объятия. На Кюсю были основаны португальские, а затем и испанские фактории, откуда католические миссионеры начали бурно проповедовать христианство. Первых японцев крестил Св. Франциск Ксаверий в 1549–1551 гг., после чего иезуиты быстро освоились и добились больших успехов. (Их отчеты святому престолу в Риме представляют собой бесценный компендиум сведений о жизни в средневековой Японии.) Христианство распространялось быстро. Верными адептами католичества, прежде всего, стали даймё на юго-западе страны, побуждая к этому же своих подданных. Не прошло и пятидесяти лет после появления европейцев, как в Японии, по некоторым оценкам (в основном на Кюсю и в соседних княжествах), насчитывалось уже около 300 тысяч христиан и масса церквей.

На этом фоне во второй половине XVI – начале XVII в. произошло, наконец, объединение Японии силами трех последовательных владетелей: Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. В августе 1573 г. один из крупных феодалов, Ода Нобунага, выгнал последнего 15-го сёгуна (Асикага Ёсиаки) из Киото и де-факто положил конец сёгунату. Целью своей жизни Ода считал объединение Японии под собственной властью. Ему удалось подчинить все земли цен-

тральной Японии и провести в них ряд революционных реформ (ликвидация внутренних таможен, составление кадастра земель и т. д.). Однако в 1582 г. он погиб от руки предавшего его генерала Акэти. Акэти убил Оду то ли по личным мотивам, то ли был подкуплен врагами Оды, которых было немало (в числе его тайных недругов называют и будущих преемников Нобунаги – Тоётоми и Токугава).

Тоётоми Хидэёси, один из полководцев и соратников Нобунаги, узнав о гибели сюзерена, быстро отвел войска к столице и разбил армию Акэти, который вскоре тоже погиб. Проявив себя в качестве «мстителя», Хидэёси увеличил свое влияние, получил часть владений покойного и стал регентом-советником при малолетнем сыне Оды, продолжив его дело подчинения Японии единой (своей) власти. Главным конкурентом Хидэёси был бывший союзник Токугава Иэясу. После битвы между их силами (1584 г.) в 1586 г. Токугава прибыл в Киото и присягнул на верность новому сюзерену. Таким образом, Хидэёси закрепил за собой статус единственного наследника Оды Нобунаги. Будучи незнатного происхождения, он не мог претендовать на титул сёгуна и ограничился титулом регента (кампаку). Правление Хидэёси ознаменовалось началом первых гонений на христиан и, главное, его военными кампаниями на Корейском полуострове. В ходе затяжной войны и будучи уже не совсем вменяемым, в 1598 г. Тоётоми Хидэёси умер.

Токугава Иэясу, один из опекунов малолетнего сына своего патрона, вознамерился реанимировать институт сёгуната и получить единоличную власть над страной. Его многочисленные противники объединились (при поддержке христиан) вокруг фигуры этого сына (Хидэёри). Решающей стала битва при Сэкигахара (ныне префектура Гифу) в 1600 г., в которой победили войска Токугава. В 1603 г. Иэясу получил от императора титул «великого сёгуна завое-

вателя варваров» и создал самурайское правительство в городе Эдо (современный Токио).

Сёгунат Токугава стал третьим и последним сёгунатом Японии. В 1605 г. Иэясу передал титул сёгуна своему сыну (Токугава Хидэ-тада), но рычаги власти продолжал держать в своих руках. Впрочем, окончательно победить сторонников молодого Тоётоми Хидэёри и объединить страну клану Токугава удалось лишь через 10 лет. В 1615 г. он уничтожил ставку претендента на верховный пост в Осаке, а сам Хидэёри был вынужден покончить жизнь самоубийством. После этой расправы в стране воцарились долгожданный мир и стабильность почти на 250 лет. Токугава-старший умер в 1616 г., а господство его династии продолжалось до 1868 г.

Установление токугавского режима означало окончательный триумф равнины Канто, ибо реальная власть отныне располагалась там. Более того, когда через два с половиной века, сёгунат Токугава бы свергнут и императору (Муцухито, посмертное имя – Мэйзи) была возвращена власть в 1868 г., императорский двор переехал из Киото именно в Токио (бывшее Эдо) – в знак признания Канто реальным национальным центром силы. При переносе трона в Токио, японцы фактически убрали со сцены равнину Кансай как соперника политической власти, сконцентрировав ее в Канто. Объединение страны вокруг этого центра силы крайне затруднило (хотя и не исключает совсем) возрождение исторической проблемы дробления страны и межрегиональной борьбы. На протяжении последних полутора веков район Канто развивается вместе с японской столицей. При этом, несмотря на относительное ослабление позиции Токио как центра экономики АТР, внутри страны его значение неуклонно растет. Концентрация всевозможных ресурсов страны в регионе Канто объективно усугубляет диспропорции в национальном развитии.

Вернемся к международной политике объединителей Японии. Первый из них – Ода Нобунага наиболее позитивно относился к иностранцам. Он поддерживал отношения с Португалией и Испанией, а также способствовал распространению католичества в Японии. При нем в Японию принялись посещать испанские и португальские торговцы в качестве перекупщиков в торговле Восточной Азии, меняя товары из Европы и Китая на дешевое японское серебро. Самому Нобунаге от иностранцев, прежде всего, было нужно огнестрельное оружие для целей внутренней борьбы.

С 1582 г., когда власть перешла в руки Хидэёси, японская политика по отношению к иностранцам стала более сложной и противоречивой. С одной стороны в начале правления Хидэёси впервые в истории Японии в Европу была направлена миссия (из четырех юношей-христиан) для знакомства с европейскими странами. Миссия была инициирована орденом иезуитов, полагавшим, что путешествие убедит японцев в величии католической церкви и будет способствовать успеху христианства в Японии. Путешествие заняло 8 лет (1582–1590 гг.), причем в ходе его японские делегаты удостоились высокой чести – аудиенции у испанского короля и римского папы. После возвращения они познакомили Хидэёси и его ближайший круг с европейскими книгами, картами, глобусом, рядом других предметов и в целом расширили представление японской элиты о мире.

Между тем, за эти восемь лет произошли изменения в умонастроении феодальной верхушки. Правители страны начинают понимать, что христианство ведет к эрозии буддизма, нравственных и духовных основ японского общества. Пример Филиппин, которые к этому времени превратились в колонию Испании, показал, что у европейцев за крестом идет меч, что чрезмерная активность миссионеров, христианизация юго-запада на самом деле означает ползучую

колонизацию и в дальнейшем – закабаление Японии, реальную угрозу потери суверенитета. Возмущение вызвал орден иезуитов, обвиненный в том, что он приобретал японские земли и даже сжигал буддийские храмы. С другой стороны, распри между португальцами и испанцами, между католиками и протестантами показали, что японские власти могут на этих противоречиях играть. Уже в 1587 г. были изданы первые антихристианские указы правителей страны. Они предписывали гонения на христиан, местами христианство было полностью запрещено, а позднее, согласно эдиктам Хидэёси, начались и казни адептов опасного вероучения. Год 1594-й был отмечен массовыми преследованиями и казнями христиан.

Считая, что он уже объединил Японию, Тоётоми решил расширить свою милитаристскую деятельность за ее пределами. До него уже почти тысячу лет после «битвы у Пэккана» в Корее японские правители не проявляли себя на ниве внешней экспансии. В 1590-х гг. условия для этого появились. Во-первых, канцлеру нужно было как-то канализировать воинственную энергетику самураев, в особенности тех «ронинов», банды которых угрожали спокойствию в стране. Самое правильное было бы убрать их из страны. Однако у Хидэёси была и чисто геополитическая сверхидея – стать не только верховным правителем Японии, но и правителем всего мира, на первых порах – Китая. Столицу своей империи Хидэёси собирался установить именно в китайском городе Нинбо. Возможно, кампаку не осознавал масштабов авантюры, в которую он втягивался. (По некоторым данным, он к тому времени считал, что в него воплотился бог войны – Хатиман.)

Кроме того, не на высоте были географические познания японцев. При Хидэёси полагали, что малоисследованный тогда о. Эдзо (Хоккайдо) непосредственно связан с «землей Оранкай»

(Маньчжурия и северо-восточная Корея) по суше. Существовало мнение, что экспедиция на материк может быть осуществлена через Хоккайдо. Тем не менее, вторжение на континент все же началось с юга, из района г. Карацу (близ нынешней Фукуоки на Кюсю).

В сущности, в Корею были осуществлены два вторжения: в 1592–1593 гг. и в 1597–1598 гг. Часто историки считают их двумя фазами одной – Имджинской или Имдинской – войны (название происходит от наименования 1592 г. в китайско-корейском календаре).

Формальным поводом для Имчжинской войны послужил отказ новой корейской династии Чосон поддержать армию Хидэси при ее возможном походе на китайскую династию Мин. Огромной сухопутной армии Японии (около 220 тыс. личного состава) в основном сопутствовал успех, она временно оккупировала почти всю Корею до границ государства чжурчженей. Там, кстати, японцы узнали, что в Оранкай идет борьба за объединение территории между местными племенами чжурчженей (будущие маньчжуры) и татар. (Об отсутствии перешейка между Оранкай и Эдзо при Хидэси узнать не удалось, и впоследствии сёгун Токугава Иэясу опасался, что маньчжуры могут представлять угрозу японской национальной безопасности с севера.)

Если на земле Корейского полуострова войска Хидэси сумели добиться относительного успеха, то на море удача была на стороне корейских военно-морских сил, во многом благодаря «кораблям-черепахам» великого флотоводца Ли Сун Сина. В 1598 г. японский флот был полностью разгромлен корейцами при Норянджине, а одновременно из Японии пришла весть о смерти Тоётоми Хидэёси. Самурайский корпус немедленно начал отступление домой. Напоминанием о корейской авантюре служит холм Мимидзука в Киото, где захоронено около 35 тысяч носов (а не ушей, как следует из назва-

ния) павших корейских воинов. С 1598 г. на три столетия (до самого конца XIX в.) Япония отказалась от каких-либо экспансионистских поползновений.

Мир между династией Чосон и новым сёгуном Токугава был заключен в 1607 г., а реальные отношения восстановлены в 1609 г. Правда, эти отношения осуществлялись не напрямую, а через князя острова Цусима. Японцам в принципе не разрешалось проникать в Корею дальше порта Пусан. Наоборот, через посредничество Цусимы временами корейские миссии посещали Японские острова «с культурными целями». Интересно, что корейский двор организовывал эти поездки для того, чтобы показать свое культурное и духовное превосходство над соседями, а сёгунат демонстрировал своим подданным то, что его власть простирается даже на Корею, жители которой прибывают поклониться Японии.

3

ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ

При живых императорах сёгуны династии Токугава уподобились абсолютным монархам. Около 250 феодалов – даймё были разделены на тех, кто был вассалами основателя династии до битвы при Сэкигахаре (фудай даймё), и на тех, кто поневоле стал ими только после нее (тодзама даймё). Сменялись поколения как сёгунов, так и даймё, но «тодзама» рассматривались как потенциально ненадежные и не могли рассчитывать на роль в управлении всем государством. (Спустя два с половиной века именно самураи, подвергавшиеся такой сегрегации, из южных «тодзама» – Сацума, Тёсю и Тоса – отомстили сёгунату, сыграв главную роль в свержении его власти). Сёгунат также присвоил себе властные полномочия упразднить и трансформировать владения отдельных даймё (ханы) и перемещать их по своему произволу. Собственно к этому сводилась внутренняя геополитика поколений Токугава.

Что же касается внешних связей, то став сёгуном, Иэясу некоторое время пребывал на распутье, и его внешнеполитические шаги казались непоследовательными. Вероятно, он надеялся на помощь иностранцев в строительстве, кораблестроении, развитии горнодобывающих производств, оружейной промышленности и т. п. При этом он предпочитал выстраивать добрые отношения с

протестантской Голландией вместо католических стран (Португалии и Испании). Инициатором такой переориентации с 1605 г. явился его советник – английский моряк на голландской службе Уильям Адамс, убеждавший Токугаву в злонамеренных кознях католиков. В 1612 г. всем вассалам сёгуна и жителям его владений было приказано отречься от христианства.

Тем не менее, в 1613 г. сёгун санкционировал подготовку и осуществление большой экспедиции численностью 180 человек в католическую Европу, поручив ее проведение даймё города Сэндай. Этот даймё, которого звали Датэ Масамунэ, назначил самурая Хасэкура Цунэнага начальником миссии. Миссия отправилась на 500-тонном галеоне, построенном самими японцами, и длилась целых семь лет (1613–1620 гг.). В отличие от делегации, посланной за 30 лет до этого регентом Хидэёси, эта экспедиция отправилась не через Китай, а через Тихий океан. Она пересекла испанскую колонию Мексику, Атлантический океан, добралась до Испании и Ватикана. Хасэкура был тепло принят королем Филиппом III и римским папой Павлом V, был крещен и даже получил римское гражданство. Но в Европе уже знали, что в Эдо настроения сильно поменялись в худшую для католицизма сторону, и не стали подписывать торговый договор, которого домогался японский посол.

Действительно, уже в 1614 г. Иэясу издал указ, который запретил пребывание «белых» иностранцев и христиан в его стране, поскольку выяснилось, что католики из Португалии и Испании почти полностью взяли под свой контроль город Нагасаки и пользовались поддержкой влиятельных кланов на Кюсю. Сёгунат волновал не сам факт поклонения подданных Христу (в Японии и так было многобожие), а христианская идея о том, что лояльность госуду выше, чем лояльность светскому начальнику. В Эдо также считали, что хри-

стианская религия превращается в идеологию крестьян в борьбе против феодалов. Исповедовать христианство было запрещено, в ход пошли массовые репрессии и показательные распятия верующих (отметим, что потомки обращенных, следуя «культу предков», не отрекались от веры даже во время последующих гонений и сохранили в строгой тайне веру вплоть до открытия страны). Число открытых для торговли с иностранцами портов сократилось до двух.

Хасэкура, фактически первый посол Японии в Европе, вернулся обратно тем же путем (через Мексику и Филиппины) в 1620 г., но уже при следующем сёгуне. К сожалению, воспользоваться знаниями, полученными в ходе этого замечательного по своим масштабам путешествия, не удалось. Сам посол вскоре умер, а его родственники и слуги, как христиане, были казнены. Саму миссию было приказано вычеркнуть из памяти. Начиналась политика самоизоляции страны (сакоку сэйсаку), политика, установившая прочный мир в стране, но отрезавшая Японию от достижений западной цивилизации. Следующее японское посольство прибудет в Европу лишь более двухсот лет спустя, в 1862 г.

В дальнейшем репрессии против христиан и ограничения на внешнюю торговлю только усиливались. В 1622 г. были казнены 120 миссионеров и новообращенных японских верующих, в 1629 г. счет пошел уже на тысячи. В 1624 г. была запрещена торговля с Испанией. В 1635 г. появился новый эдикт о запрете японцам под страхом смерти покидать пределы страны, а уже выехавшим или потерпевшим кораблекрушение – возвращаться. Самим подданным сёгуна было разрешено только каботажное плавание и поэтому запрещено строить крупные суда. (Сошло на нет и японское пиратство.)

В 1637–1638 гг., во время правления третьего сёгуна Иэмицу на полуострове Симабара (на Кюсю) произошло то, чего больше всего

боялись власти: восстание самураев и крестьян под христианскими лозунгами. После подавления восстания было обезглавлено более 37 000 повстанцев и сочувствующих. После этого христианство было предано полному запрету, въезд в Японию иностранцам был запрещен, отношения с Португалией были разорваны, а члены португальской миссии были также казнены. После подавления восстания на Кюсю на протяжении более 200 лет, до 60-х гг. XIX в., на территории Японии не было ни одного заметного вооруженного конфликта. Парадоксально, но около десяти поколений потомственных воинов-самураев на протяжении периода Эдо воспитывались в духе бусидо, оттачивали свое боевое мастерство, но никогда не принимали участия в сражениях.

Со времени Симабарского восстания практически в течение всего периода Токугава геополитики как направления работы государства практически не существовало, вернее она сводилась к формуле «никого не впускать и никого не выпускать». Наступила пора «великой самоизоляции», длившейся более двух веков. Главным императивом стало стремление как можно сильнее отгородиться от внешнего мира. Однако имелись небольшие исключения. Одна европейская нация – голландцы-протестанты (наряду с китайцами) – получила монополию на торговлю с Японией. Голландская Ост-Индийская компания заслужила эту привилегию тем, что оказала правительству помощь в подавлении Симабарского восстания, а также обязалась не распространять христианство и даже научила власти распознавать местных христиан-католиков. (Власти считали голландцев не совсем истинными христианами, ибо они соглашались даже топтать изображения Христа.) Китайцы же вовсе не были приверженцами опасной религии.

Поначалу голландское представительство находилось в порту Хирадо (северо-запад Кюсю), но за незначительную оплошность в 1641 г. их торговая фактория там была разрушена и голландские купцы были переведены на значительно менее комфортное место – островок Дэдзима в гавани Нагасаки. (Там же, в Нагасаки был выделен особый квартал и китайцам.) После банкротства Голландской Ост-Индии в 1795 г., управление факторией перешло в руки государства Нидерландов. В любом случае Дэдзима находилась под строжайшим контролем сёгуната.

За всю двухсотлетнюю историю Дэдзимы (1641–1847 гг.) этот порт посетили 606 голландских кораблей, причем не прямо из Роттердама, а из голландской колонии Батавия (нынешняя Ява в Индонезии). При этом, опасаясь европейского влияния, сёгуны постепенно ограничивали торговый оборот с Батавией – с пяти до 1–2 кораблей в год.

Для Голландии торговля с Японией оставалась прибыльным предприятием до конца XVIII в. Ежегодно глава фактории с помощниками совершал поездку в далекий Эдо, чтобы преподнести заморские подарки сёгуну и засвидетельствовать ему свою лояльность.

Резервация в Дэдзиме превратилась в единственное, но очень важное «окно» общения с внешним миром. Кроме нее у бакуфу не было других источников знаний о положении в Европе и в мире. Правда, доступ к знаниям был разрешен лишь небольшой группе ученых, которым было доверено изучать голландский язык, читать и переводить книги на этом языке и докладывать сведения из внешнего мира правительству. (Отсюда происходит термин «голландская наука» – рангаку). Для остального населения заграница как бы не существовала. Японцы, жившие до середины XIX в., вообще вряд ли себе представляли, что они живут в Азии или в районе Тихого Океана. (До

сих пор в разговоре они предпочитают называть свое тихоокеанское побережье «море».)

Через голландскую факторию какая-то информация о Японии поступала и в западный мир. В этом плане особенно яркой выглядит деятельность баварского естествоиспытателя и врача на голландской службе Ф.Ф. фон Зибольда в XIX в. Он, правда, был выслан из Японии (за нелегальную покупку карты страны), но опубликованные им в Голландии труды немало способствовали расширению скудных знаний о Японии (о флоре, фауне и обычаях) среди публики в Европе, Америке и России.

Торговля с Нидерландской Батавией и Китаем в токугавский период на экономику Японии оказывала мало влияния. В связи с отсутствием войн со стороны бакуфу не было достаточного спроса даже на огнестрельное оружие (у голландцев закупались иногда лишь небольшие партии ружей, а в самой стране их производство было свернуто). В целом, в условиях автаркии страна находилась на «самообеспечении» и как-то справлялась с недостатком внешних связей. Но, конечно, самоизоляция способствовала консервации феодальных порядков, тормозила и деформировала развитие нормальных товарно-денежных отношений в стране и тем самым привела к резкому отставанию Японии от Запада.

Интересно, что до середины XIX в. из всех западных держав единственной державой, пытавшейся прорвать самоизоляцию Японии, была Российская империя. Правда, еще до первого контакта, репутация России в глазах сёгуната была основательно подпорчена. Выходец из центральной Европы, международный авантюрист М.-А. Бениовский, бежавший из ссылки на Камчатке, в 1771 г. временно оказался в японских владениях и оттуда передал голландцам письма, которые они предоставили японским властям. Бениовский

голословно утверждал, что русские усиленно готовятся к нападению на остров Мацумаэ (Хоккайдо) уже в следующем году. Информация была заведомой неправдой, но японское руководство было серьезно встревожено, особенно когда один из авторитетных ученых подтвердил мнение об угрозе стране от России. Отсюда коренится то недоверие, которое проявляла Япония к России на многие десятилетия вперед.

Между тем в Петербурге в 1779 и в 1786 гг. были изданы два указа Екатерины, касающиеся тихоокеанских владений России. По одному из них все Курильские острова, Русская Америка (Аляска), Алеутские и Лисьи острова на севере Тихого океана были присоединены к Российской империи. Императрица особо подчеркивала, чтобы «мохнатых курильцев» оставить свободными, не обкладывая их налогами и относиться к ним «с дружелюбным обхождением и ласковостью». В знак принадлежности островов России на них были воздвигнуты православные кресты, которые, правда, через несколько месяцев были сброшены японским десантом.

В 1791 г. императрицей было принято решение завязать торговые отношения с Японией. Поводом послужило возвращение на родину японцев, потерпевших крушение в русских водах. Миссия была возложена на поручика Адама Лаксмана, и он в течение 1792–1793 гг. на Хоккайдо ожидал решения вопроса о договоре. Договор не был заключен, но общий итог пребывания Лаксмана был позитивен: правительство в Эдо разрешило российским судам раз в год заходить в порт Нагасаки, нарушив тем самым монополию голландцев.

В 1803 г. Император Александр I назначил главой Российско-Американской Компании Николая Резанова и своим первым посланником в Японию. Посольство Резанова было организовано в рамках первой русской кругосветной экспедиции под командованием

Крузенштерна (1803–1806 гг.). По прибытии корабля «Надежда» в Нагасаки, местные власти встретили лично Резанова вполне любезно, но в 1805 г. из Эдо пришел отказ от заключения торгового договора и требование покинуть Японию. Россия лишилась права на заходы своих судов, полученного ранее Лаксманом. На прощание Резанов сделал резкое заявление японскому правительству о том, что все земли и воды к северу от Хоккайдо «принадлежат моему государю».

Сверх того, Резанов решил «преподать японцам урок» в качестве реванша за свою неудачу. Его подчиненные лейтенант Н. Хвостов и мичман Г. Давыдов в 1806–1807 гг. совершили ряд насильственных действий на Сахалине и Итурупе, в частности, разорили японские фактории и селения, захватили грузовые суда и т. д. Позже они были преданы суду в России, но нападение привело к ухудшению перспектив для русско-японских отношений. Неприятный эпизод способствовал укоренению в Японии стойкого представления об «угрозе с Севера» и дал жизнь словосочетанию «осоросия» (контaminaция слов «Россия» и «страшный»).

«Инцидент Хвостова – Давыдова» стал поводом для ареста в 1811 г. русского капитана Василия Головнина, который на Кунашире выполнял задание своего правительства по описанию дальневосточных островов. Головнин был обвинен в нарушении изоляции страны и захвачен японцами в плен вместе со своими подчиненными. Лишь благодаря товарищеским стараниям капитан-лейтенанта П. Рикорда и уговорам богатейшего японского торговца Такадая Кахэя через два года пленники были вызволены из тюрьмы на Хоккайдо, что стало первым случаем такого рода в истории эпохи Эдо.

Клану Токугава удалось на два с лишним столетия герметически закрыть Японию, избегая каких-либо войн. Правительство видело большие риски в ведении международной торговли, и устранялось

от нее, пользуясь географической удаленностью государства. Однако с первых десятилетий XIX в. становилось все более очевидным, что интровертная геополитика бакуфу грозит превратить отсталую в военно-техническом отношении Японию в добычу западных держав, которые осуществляли экспансию в Восточной Азии; тем не менее, режим в Эдо по-прежнему упорствовал в самоизоляции. В частности, в 1825 г. в Японии был издан нелепый приказ морской страже убивать на месте иностранцев, высаживающихся на берег (хотя этот закон, кажется, не был применен на практике). Изоляционизм доходил до абсурда: так, уже на изломе сёгуната (в 1859 г.) был казнен пионер империалистической геополитики, талантливый молодой мыслитель Ёсида Сёин, который призывал к расширению владений Японии путем захвата Кореи, Китая и более далеких стран (впоследствии Ёсида был провозглашен синтоистским божеством).

Между тем западные державы, прежде всего США, становились все более настойчивыми в требованиях открытия Японии для внешней торговли. Некоторые американцы уже были знакомы с Нагасаки, поскольку торговали там от лица голландских купцов (пока Нидерланды были оккупированы Наполеоном). С развитием парового флота американским китобоям и торговым судам, следующим в цинский Китай (Кантон), как никогда раньше требовалась японские порты в качестве баз для заправки углем, для снабжения пресной водой и провиантом. Как частные лица, так и военные США, несколько раз пытались заключить договор с Японией, но все попытки завершились неудачей, а однажды и обстрелом (Чарльз Кинг в 1837 г., Джеймс Биддл в 1846 г. и капитан Джеймс Глинн в 1849 г.). Вернувшись в США, Глинн призвал руководство к демонстрации военной мощи, чтобы вынудить Эдо к переговорам.

Президент США Миллард Филлмор поручил commodору ВМС («отцу американского парового флота») Мэттью Перри заключить торговый договор с Японией любыми путями, вплоть до применения вооруженной силы. «Восточно-индийская эскадра» под командованием Перри, включающая несколько паровых фрегатов, летом 1853 г. неожиданно вошла в гавань Урага (в нынешней префектуре Канагава). Голландцы в Нагасаки предупреждали местные власти об американских намерениях, но те не передали эту информацию руководству сёгуната. В любом случае, «черные корабли» («куробунэ») эскадры Перри, прозванные так из-за цвета дыма из труб пароходов, застали бакуфу врасплох и произвели фурор среди населения. С прибытия эскадры Перри началась недолгая, но бурная «эра Бакумацу» (1853–1868 гг.), в течение которой геополитическая ситуация в Японии радикально поменялась.

Сёгун Иэёси был болен, и переговоры с американцами пришлось вести главе правительства Абэ Масахиро. Он принял от Перри президентское послание императору Японии с предложениями установления дружественных отношений и заключения торгового договора. Однако, commodору было сообщено, что из-за болезни правителя японская сторона сможет дать ответ лишь в следующем году, и Перри с этим согласился.

Сёгун вскоре умер, и Абэ, чтобы не брать на себя личную ответственность, впервые в истории созвал Всеяпонское собрание с участием представителей императора, сёгуната и региональных даймё. Решался вопрос о том, продолжать ли изоляционистскую политику или «открыть» Японию Западу. Находясь в Гонконге, Перри узнал о кончине сёгуна и решил немедленно вернуться в бухту Урага. Между тем, Всеяпонское собрание никак не могло принять решение, и Абэ, под угрозой американских пушек, самолично направил Перри

положительный ответ об установлении дипломатических отношений. В конце марта 1854 г. был подписан Договор о мире и дружбе между Японией и США (Канагавский договор), согласно которому японская сторона обязывалась обеспечивать углем и продовольствием американские корабли, а также открыть порты Симода и Хакодатэ для США с правом учредить там своих консульства. Вскоре властями Эдо были заключены схожие договоры с рядом других держав, в частности с Великобританией. Эти договоры пока что не касались прямо внешней торговли, но Япония уже (впервые в своей истории) поступилась частью своего суверенитета.

Между тем, узнав о готовящейся экспедиции Перри, царь Николай I поспешил направить в Японию свою миссию во главе с адмиралом Е.В. Путятиным, которая и прибыла туда в 1853 г., сразу вслед за американской эскадрой. Момент был не лучшим для установления регулярных японо-российских связей, так как за 8 лет до этого Япония провозгласила суверенитет над Сахалином и Курилами. Заявка Эдо на эти территории вызвала негативную реакцию со стороны Николая, но возможностей проявить силу у Петербурга еще не было.

Спустя год Путятин появился в Симодэ (близ Эдо), где в начале 1855 г. был подписан Договор о дружбе и торговле между Россией и Японией («Симодский трактат»). Он предусматривал открытие для русских торговых судов портов Хакодатэ, Нагасаки и Симода, и учреждение в одном из них российского консульства, а также постройку православного храма. Южная часть Курил (Итуруп, Кунашир, Шикотан и островки Хабомаи) отходила к Японии, к северу от Итурупа – к России, а статус Сахалина оставался неопределенным. (До сих пор Симодский трактат служит в Японии обоснованием для требования возврата «северных территорий»). Российская позиция была

относительно мягкой, поскольку в условиях Крымской войны (включая англо-французские обстрелы Камчатки) Россия стремилась не осложнять отношения с еще одной страной. Действительно, трудно сравнивать право русских на постройку церкви с правом почти что беспошлинной торговли для англо-саксов. «Мягкотелость» Путятина на фоне более агрессивных предприятий commodора Перри и британцев могла рассматриваться японцами как слабость, да и договор Россия подписала на год позже англо-саксов, оставаясь тем не менее в лице Японии «главной потенциальной угрозой».

Усилиями первого американского консула в Симодэ Таунсенда Хэрриса в 1858 г. сёгунат (без санкции двора в Киото) заключил новый Японско-американский договор о дружбе и торговле, по которому для судов США открывалось еще пять портов – Хакодате, Йокогама, Ниигата, Кобэ и Нагасаки, город Осака и даже сама столица Эдо. Помимо того, договором предусматривалось создание американских концессий, лишение Японии права односторонне устанавливать импортные пошлины (для защиты национальных производителей) и экстерриториальность для американцев, т. е. неподсудность их японскому судопроизводству.

В том же 1858 г. похожие договоры о дружбе и торговле были заключены с Нидерландами, Россией (вновь при участии Путятина), Британией и Францией. Все эти «ансэйские договоры» (по названию девиза правления) были явно неравноправными. Справедливости ради надо признать, что царская Россия, хотя и стремилась к дальневосточным рынкам, фактически не воспользовалась договором 1858 г. вследствие своей экономической отсталости, удаленности дальневосточных владений от центра, а также соперничества США, Англии и Франции.

«Неравноправность» ансэйских договоров вызвала со стороны многих самураев волну критики в адрес сёгуната, который, с их точки зрения, проигнорировал мнение императора и капитулировал перед западными государствами. Рост антииностранных и антитокугавских настроений повлек за собой репрессии против протестующих и казни многих из них. При этом, если в первые годы после открытия страны оппозиционные правительству силы охватывали главным образом слои правящего класса, то заключение договоров стало толчком к расширению социальной базы антитокугавского движения. (Договора 1858 г. действовали несколько десятилетий: экстерриториальность для «белых» иностранцев была отменена только в 1894–1899 гг., а право самостоятельно устанавливать таможенные тарифы Япония получила лишь в 1911 г.)

Для простого народа к гнету со стороны сёгуната добавился новый гнет, порожденный подписанием кабальных договоров. Как следствие этого в Японии начали вспыхивать нехарактерные для этой страны бунты и восстания. В народе ширилась уверенность в том, что, обладай бы император реальной властью, он не допустил бы открытия страны для иностранного проникновения. Противники «варваров»-иностранцев выдвинули лозунг «Уважайте императора, изгоняйте варваров!». Инициатор договоров, реальный глава государства «предатель» Ии Наосукэ был убит.

Бакумацу («конец сёгуната») – смутное время в истории Японии, при котором завершилась эпоха Эдо. Видя печальный пример цинского Китая, который превращался в полуколонию европейских держав, японские элиты искали пути сохранения национального суверенитета. На этой почве резко разошлись две политические группировки с абсолютно разными подходами. К первой принадлежали «национал-патриоты», с их империалистическими амбициями выхо-

да за пределы архипелага и захвата чужих территорий по примеру европейских держав. Им противостояли ксенофобы-сторонники сёгуната, которые боялись за свое будущее, цеплялись за старое, были недовольны появлением «варваров»-иностранцев и неравноправными договорами. История показала, что правыми оказались сторонники про-иностранного настроения. Ряд инцидентов в 1860-х гг. показал полную неспособность Японии противостоять войскам западных держав. После насильственного открытия страны японские лидеры стали осознавать свою уязвимость, повысили бдительность, учились выявлять силы, которые контролируют обстановку в мире, приспосабливаться к ним и извлекать свою выгоду. В связи с этим японскую дипломатию нередко называют дипломатией «айкидо» (хотя это не означает, что в Токио всегда принимали правильные решения).

Финалом Бакумацу стала реставрация (или революция) Мэйдзи (Мэйдзи исин), произошедшая в 1867–1868 гг.: упразднение сёгуната Токугава и переход реальной власти к императору, практически впервые за тысячу лет. Принятый ранее в советской исторической науке термин «незавершенная революция» не совсем корректен, ибо никому в голову не приходила мысль «завершать» ее, т. е. свергнуть императора, который фактически почитался как наместник богов на земле. Реальная власть была вручена молодому императору Муцухито, династия которого до этого столетиями правила лишь номинально. Впрочем, если говорить совсем строго, то война годов Босин, в итоге которой был свергнут режим Токугава, окончательно завершилась даже не в 1868, а в 1869 г., когда просёгунская самурайская «республика Эдзо» на Хоккайдо была ликвидирована императорскими войсками.

4

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ВХОЖДЕНИЕ В СТАДИЮ ИМПЕРИАЛИЗМА

После свержения сёгуната Токугава и возвращения императора к власти императорский двор переехал из Киото в Токио (бывшее Эдо) – в знак признания его как реального центра силы японской нации. На сей раз триумф равнины Канто был окончательным, а равнина Кансай (Кинки) как ее геополитический соперник была отодвинута на второй план. Концентрация власти в экономическом ядре Японии – в Канто – сильно затруднила (возможно, навсегда) возрождение исторической проблемы дробления страны и межрегиональной борьбы. Уничтожение в 1870–1872 гг. феодальных княжеств (хан) и создание вместо них новых административных единиц – префектур (кэн) также способствовало ликвидации феодального сепаратизма, завершению государственного объединения страны и шло в ногу с интересами развития капиталистической экономики.

Новое правительство Японии, костяк которого составляли самураи из наиболее продвинутых юго-западных провинций, взяло решительный курс на модернизацию страны. Национальным девизом реформ стал лозунг «фукоку кэхэй» (богатая страна, сильная армия), заимствованный из старинного китайского исторического труда

«Чжань Го Це». Не менее популярной и важной оказалась также формула «японская мораль, западная техника». Пытаясь сохранить «японский дух», токийские власти в то же время были намерены извлечь максимум пользы путем заимствования новейших иностранных технологий и государственных институтов для реализации программы «фукоку кёхэй».

Для того, чтобы постичь и впоследствии внедрить все приемлемые для Японии современные принципы организации общества, в западные страны в 1872 г. была направлена масштабная (более 100 человек) миссия, которую возглавил министр иностранных дел Ивакура Томоми. Миссия Ивакуры посетила в общей сложности 15 стран (США, основные европейские и некоторые азиатские государств). Одна из целей делегации – отмена неравноправных договоров с США и европейскими державами – не была достигнута, но общее ее значение неоспоримо: она привезла на родину бесценную информацию о том, как двигаться Японии дальше, исходя из опыта более развитых стран. Многие из членов миссии Ивакуры впоследствии сыграли роль ведущих реформаторов внутренней и внешней политики Японии.

В геополитическом плане первое десятилетие существования правительства Мэйдзи было посвящено уточнению национальных границ и пересмотру взаимоотношений с соседними странами. К концу 1870-х гг. правительство достигли своих первоначальных целей: был окончательно колонизирован остров Хоккайдо, и суверенитет Японской империи распространился на весь Курильский архипелаг, острова Рюкю и на Цусиму.

Вероятно, наиболее важным результатом явилось завершение колонизации Хоккайдо, где до этого основное население составляли айны. Включение всей территории острова под юрисдикцию Токио

имело важный геополитический, демографический и экономический смысл. Геополитически основной целью колонизации было обезопасить регион Хоккайдо от возможного продвижения России на Дальнем Востоке, где к тому времени уже развивались новые города – Хабаровск и Владивосток. Значительную помощь японцам в освоении острова оказали американцы, нежелание которых по поводу усиления России на Дальнем Востоке совпадало с японским. В 1868 г. был заложен город Саппоро, со временем превратившийся в «столицу» Хоккайдо и 4-й по величине город страны.

В эконом-демографическом измерении важность колонизации заключалась в решении проблемы растущего аграрного перенаселения Хонсю и других более южных островов. Кроме того, бурно развивающаяся экономика Японии в пост-токугавский период испытывала постоянную нехватку сырья в виде древесины, морепродуктов, минералов и других материалов, многие из которых в изобилии можно было наблюдать в «японской Сибири» (каковой воспринималась новая территория). Несмотря на суровый с точки зрения южан климат за 1870-е гг. японское население выросло в четыре раза – с 58 000 до 240 000 (айнское, наоборот, сократилось). В экономическое, особенно сельскохозяйственное, развитие Хоккайдо также внесли свой вклад американцы. В дальнейшем остров – по многим видам сельскохозяйственных культур – станет главной житницей Японии. С освоением Хоккайдо границы Японии приобрели примерно сегодняшний вид.

В 1875 г. в Санкт-Петербурге был подписан документ под названием «Трактат о промене части острова Сахалин на гряде Курильских островов». По этому договору Россия уступила Японии 18 Курильских островов, которые раньше принадлежали ей, зато весь Сахалин перешел под российскую юрисдикцию. Будучи не в состоя-

нии обеспечить безопасность всех дальневосточных районов, царское правительство предпочло укрепить в первую очередь ближние рубежи (Сахалин). В 1879 г. японское правительство заставило последнего короля островов Рюкю отречься от престола и формально включило архипелаг в состав империи под названием префектура Окинава.

В целом, 1870–1880-е гг. были периодом быстрой модернизации и очень успешного приобщения Японии к западной материальной и машинной цивилизации. Фактически с нуля были созданы основные отрасли современной для того времени индустрии и сформировались торгово-финансовые группы «дзайбацу», просуществовавшие до военного поражения 1945 г. Модернизация страны определенно была бы невозможна без благожелательной позиции и помощи со стороны развитых стран Запада, прежде всего, Великобритании и США. При создании современных вооруженных сил ориентация на Запад также была критически важной.

Так, флот новой Японии почти целиком обязан своим рождением и развитием британским военно-морским силам. С созданием сухопутных сил дело обстояло несколько сложнее. Вначале в строительстве армии Япония ориентировалась на французскую систему, но после разгрома Пруссией войск Наполеона (1871 г.) преимущества прусской модели стали очевидны, и за образец была взята прусско-германская армия. Отцом японской армии считается Ямагата Аритомо, который в 1873 г. инициировал принятие императорского указа об отмене традиционных самурайских войск и введении всеобщей военной повинности.

На протяжении 1870-х гг. столетия японское правительство предпринимало активные шаги по продвижению интересов своей страны. Неравноправные «ансэйские договора» подсказали лидерам

новой Японии поступить схожим образом по отношению к своему более слабому соседу – Корее. Явно повторяя действия коммодора Перри, в 1876 г. они послали в корейские воды эскадру боевых кораблей с требованием подписать договор о «мире и дружбе». Отсталая корейская монархия не могла противиться требованиям Японии, и подписала искомый Японией договор на острове Кангхва. Согласно ему для японской внешней торговли открывались три корейских порта, в которых Япония могла учредить консульства, а японские подданные – получить право экстерриториальности. Таким образом, еще не освободившаяся от неравноправных договоров Япония сумела навязать аналогичный договор отставшей от нее Корее. Тем самым, Корея формально была введена в сферу интересов Японии. Корни будущей японской агрессивной политики были заложены именно здесь и тогда.

Видный деятель Реставрации, военный министр Сайго Такамори, поднял мятеж против своего правительства, обвинив его в утрате самурайского духа и «постыдной слабости» в Корее, которую, по его мнению, нужно было просто завоевать. По-видимому, он недопонимал, что к прямой международной агрессии Япония в середине 1870-х гг. была еще не готова. Правительству пришлось подавлять восстание Сайго на Кюсю, которое и закончилось самоубийством (сэппуку) мятежного министра. Однако и в глазах народа и среди своих бывших коллег посмертный авторитет Сайго как идеального самурая остался очень высоким. После упомянутого мятежа до 1945 г. на японской территории военных действий больше не наблюдалось.

Как отмечалось ранее, Япония и Таиланд – единственные две страны Тихоокеанского кольца, которые никогда не были колониями других государств. Между тем, в 1860-е гг. в стране произошел ряд инцидентов, настолько серьезных, что можно было легко найти повод

для начала военных действий и возможной оккупации страны. Однако, реальных попыток сделать из Японии колонию не происходило. Не было этих попыток и после «реставрации Мэйдзи». Как получилось, что ни одна крупная держава не попыталась колонизировать японский архипелаг?

Во-первых, представляется, что Ии Наосукэ поступил прозорливо, когда подписал неравноправные договоры со всеми ведущими державами практически одновременно: тем самым он создал конкурентную среду и затруднил попытки какой-либо из них без конфликтов друг с другом захватить слабую Японию.

Более того, после реставрации Мэйдзи западные державы открыто помогали Японии стать сильной, модернизировать экономику и реформировать армию и флот. Скорее всего, это связано с тем, что в геополитическом раскладе в Восточной Азии появился новый и перспективный игрок – императорская Россия. В 1850-х гг. Россией у слабого цинского Китая была приобретена огромная территория Приморья и Приамурья, где были заложены главные города русского Дальнего Востока – Хабаровск и Владивосток. Стало очевидным, что у России в этом регионе не было серьезных конкурентов, а с точки зрения западных держав противовес России был необходим. Единственным противовесом в тогдашних условиях могла стать только мощная и союзная с Западом Япония. Сильная Япония могла бы стать полезной и в том случае, если бы вдруг на путь устойчивого роста стал Китай. В связи с этим Британия, США и другие державы не строили планы захватить Японию, а, наоборот, осознанно усиливали ее.

Успешная технологическая модернизация, легкость, с которой на колени была поставлена Корея, мятеж Сайго, пассионарная энергия бывших самураев и другие факторы быстро вели к подъему на-

ционализма и к росту имперского милитаристского менталитета в японском обществе. С одной стороны, Япония все более стала чувствовать себя равноправным цивилизованным государством, географически находящимся в Восточной Азии, но не имеющим ничего общего с другими отсталыми азиатскими обществами. С другой стороны, ментально уходя из Азии, географически Япония, наоборот, была расположена укрепиться в регионе. Вербально это объяснялось обязанностью Японии «цивиловать» окружающие страны, но на деле, конечно, означало намерение поставить их под свой контроль. Такой подход объединял широкий спектр мыслителей – от откровенного милитариста Ямагата Аритомо до выдающегося просветителя и либерала Фукудзава Юкити. С неумолимой логикой они толкали Японию на путь войн и аннексий. В эпоху империализма единственной возможностью утвердиться в качестве великой державы был захват колоний. Не менее важны были колониальные захваты также для обеспечения японского капитализма необходимыми природными ресурсами.

В марте 1885 г. Фукудзава Юкити, остававшийся либералом во внутренних делах, но перешедший к геополитическому прагматизму во внешних делах, опубликовал в газете свой знаменитый очерк «Дацуарон», который можно перевести как «уход из Азии» или «отречение от Азии». В нем мыслитель проводит идею об особом положении Японии в Азии: «В настоящем мире национальная независимость невозможна без некоторых элементов западных учений. Япония должна отбросить старые обычаи, чтобы быть в состоянии воплотить в себе надежды и возможности всей Азии». Фукудзава отмечал, что «Япония находится в Восточной Азии, но занята тем, что уходит из Азии, уходит от прошлого. Китай и Корея придерживаются старых путей гордости и упрямой ненависти ко всему иностранному,

в результате они вступили в компромисс со своей независимостью. Если они не осуществят вскоре реформы подобно реорганизации Мэйдзи, в течение нескольких лет они погибнут». «И печально, – сожалеет Фукудзава, – что цивилизованные западные государства не могут отличить одну азиатскую страну от другой и имеют тенденцию игнорировать Японию как полумодернизованную, возвращая ее в тот же самый разряд, что и остальные страны Восточной Азии». Фукудзава категорически отрицал какую-либо возможность сотрудничества Японии с Китаем и Кореей, так как это принесло бы ей «плохую репутацию за связь с плохой компанией». Отсюда он делает вывод: «Мы не должны ждать соседние страны, которые станут просвещенными и поднимутся лишь, когда вся Азия достигнет этого. Мы должны покинуть их ряды и присоединиться на пути прогресса к цивилизованным государствам на Западе. Мы не должны вступать в какие-то особые отношения с Китаем и Кореей, но вести себя с ними в той же манере, что и западные страны» (перевод В.В. Совастеева). Концепция «дацуарон» фактически определила содержание азиатской политики на долгие годы вперед. До поражения в 1945 г. ее суть оставалась одна: это была политика с позиции силы, установление собственной гегемонии в Азии за счет порабощения народов соседних стран. Национализм явился универсальной основой, примирившей основные течения либеральной мысли между собой и с официальной идеологией.

Сущностью следующего этапа геополитической эволюции Японии, который охватывает конец XIX – начало XX в., является укрепление атлантистской ориентации токийских властей. Одним из главных шагов Японии на этом этапе стало заключение союза с Великобританией в 1902 г. Альянс с самой могущественной европейской державой того времени стал не только символом прозападной

ориентации страны, но и позволил значительно укрепить стратегические позиции Токио в назревающем конфликте с Россией.

В первой половине 1890-х гг. резко возросли противоречия между Японией и Китаем по поводу влияния на Корейском полуострове. По ранее заключенной конвенции оба государства имели право вводить туда свои войска для подавления внутрикорейских волнений. Когда очередное восстание (1894 г.) было общими усилиями подавлено, китайское правительство предложило Японии вывести ее войска из Кореи, и обязалось вывести свои части. В ответ японская элита объявила Китай врагом прогресса, угнетателем корейского народа, а своей высокой миссией – освобождение королевства Чосон от китайского ига. Японцы отказались от вывода войск, захватили королевский дворец в Сеуле и вынудили корейского короля «просить» японскую армию изгнать китайскую армию из Кореи. Вскоре власти в Токио официально объявили войну Китаю. Сам Фукудзава призвал японский народ к сбору средств на войну с «варварским Китаем». Выяснилось, что по технической оснащенности японская армия несравнимо превосходила китайские силы, поэтому вскоре вытеснила их с Корейского полуострова и вторглась на территорию самого Китая. В течение нескольких месяцев были захвачены Порт-Артур, приморские территории Китая, Пескадорские острова (Пэнхуледао) и остров Тайвань (Формоза). Китайское правительство было вынуждено капитулировать, и на переговорах в Симоносэки (префектура Ямагути) в апреле 1895 г. был подписан унижительный для Китая мирный договор.

Согласно Симоносэкскому договору, Китай отказывался от сюзеренитета над Кореей, навечно уступал Японии остров Формоза (Тайвань), важнейший в торговом отношении Ляодунский полуостров и Пескадорские острова. Сверх того, Китай соглашался выплатить

контрибуции в размере примерно 7,5 миллионов килограмм серебра, предоставлял японцам право на строительство промышленных фабрик в Китае и беспопытного ввоза туда заводского оборудования.

Симоносэский договор свидетельствовал о чересчур сильных геополитических аппетитах новой Японии и вызвал негативную реакцию европейских государств – России, Франции и Германии, которые сами уже имели интересы в регионе, а также дальнейшие виды на китайское побережье Желтого моря. Они призвали японское правительство отказаться от аннексии Ляодунского полуострова. Будучи еще не в состоянии противиться такому нажиму, токийские власти вынуждены были прислушаться к «дружескому совету», но выставили дополнительный иск Китаю в размере еще 30 миллионов лян серебра, который и был удовлетворен с большими финансовыми потерями для Китая.

Захват Тайваня японскими интервентами вызвал на острове народное восстание, в ходе которого была провозглашена независимая Тайваньская республика. Японские войска жестоко подавили инсургентов, хотя партизанская борьба с захватчиками продолжалась еще несколько лет. Так или иначе, аннексия Тайваня и Пескадорских островов сделала Японию единственной неевропейской колониальной державой в Азии, и это ускорило рост националистических настроений и имперских амбиций со стороны Токио. В то же время, вынужденный отказ от аннексии полуострова Ляодун, вызванный давлением континентальных европейских держав, был воспринят в Японии как национальное унижение и породил стремление к реваншу.

Зачинщиком так называемой тройственной интервенции в Японии не без основания считали императора Николая II. Это мнение подтвердилось в 1898 г., когда Китай передал России в концессию на 25 лет незамерзающую гавань Порт-Артур и предоставил ей

право на строительство железной дороги через Восточную Маньчжурию. Япония же пыталась помешать растущему влиянию России, ее претензиям на минеральные ресурсы и дешевую рабочую силу в Маньчжурии и Корее. Геополитическая рокировка вокруг Ляодунского полуострова явилась прелюдией к Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Нарастающие русофобские настроения предопределили укрепление атлантической (про-англо-американской) ориентации Японии. Заключение Англо-японского союза позволило значительно укрепить стратегические позиции Токио накануне конфликта с Россией. Почти весь японский флот был построен в Англии, а его личный состав обучали британские инструкторы. Атлантический этап геополитической эволюции Японии продлился почти два десятилетия – до тех пор, пока в Лондоне и Вашингтоне не осознали, что растят себе опасного конкурента.

Русско-японская война (февраль 1904 – сентябрь 1905 г.) стала кульминацией японской геополитики, направленной на сдерживание России на Дальнем Востоке. Возможно, войны удалось бы избежать, если бы Россия согласилась на империалистическую сделку, которую предлагало правительство Токио: России следовало признать Корею сферой интересов Японии, и взамен она получила бы свободу действий в Маньчжурии. Санкт-Петербург счел такую сделку невыгодной для себя. На полях Маньчжурии и водах прилегающих морей столкнулись два имперских хищника: дряхлеющая царская Россия и не столь сильная, но молодая и амбициозная Япония. Японцы рвались в бой не только для того, чтобы «отомстить» Петербургу за предыдущее унижение. Они горели желанием закрепить свое реноме великой державы, преодолеть свой комплекс международной неполноценности. Фактически в эпоху империализма это был единственный способ

заставить внушить к себе уважение. Царское правительство по своим (прежде всего, экономическим) соображениям также не горело желанием сохранять мир. Англосаксонские державы поддерживали Японию морально и материально, хотя в принципе ослабление обоих конкурентов в ходе войны тоже играло им на руку.

Война началась с атаки японских крейсеров на русские военные суда, стоявшие на рейде китайского Порт-Артура и корейского порта Чемульпо, и обернулась для России чередой поражений. Сухопутные битвы завершились наиболее кровопролитным Мукденским сражением (февраль – март 1905 г.), фактически проигранным Россией (Мукден был захвачен японцами). Апофеозом морских битв стало Цусимское сражение (май 1905 г.), которое считается самым трагическим эпизодом в истории русского флота: была полностью разгромлена 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием адмирала З. Рожественского.

После поражения России итоги войны 1904–1905 гг. были подведены мирным договором, подписанным в американском городе Портсмут (штат Нью-Гэмпшир) в сентябре 1905 г. под эгидой президента Т. Рузвельта. Согласно Портсмутскому договору, к Японии отошла южная половина Сахалина; за ней признавались арендные права на Ляодунский полуостров, включая Порт-Артур и Дальний, а также часть железной дороги, ведущей к Порт-Артуру. С.Ю. Витте, ведущий переговоры со стороны России, платить какие-либо денежные контрибуции Японии категорически отказался.

Результаты переговоров в США вызвали чувство глубокого разочарования, как в России, так и в Японии. Российское общественное мнение испытывало чувство моральной угнетенности от самого факта поражения, в особенности от потери флота при Цусиме, и было возмущено бездарностью сухопутных военачальников; неудав-

шавшая революция 1905 г. стала одним из следствий японской войны. Публика в Японии, экзальтированная правительственной пропагандой, но не знающая о том, что их страна находилась на грани банкротства, наоборот, была разгневана недостаточностью территориальных приобретений в результате войны с Россией.

Между тем, геополитическая победа оставалась все же за Японией: признание Россией Кореи зоной японского влияния открывало Токио путь к прямой аннексии Корейского полуострова, которая и произошла в августе 1910 г. В добавление к Тайваню и Южному Сахалину, Япония обзавелась своей первой континентальной колонией – генерал-губернаторством Чосон (Тёсон), приобретя новые очертания.

Корея оставалась частью Японской империи до 1945 г. Влияние японского колониализма на развитие Корейского полуострова оказалось весьма противоречивым. С одной стороны, японские власти модернизировали корейское общество, почти ликвидировав там феодальные порядки, и провели крупномасштабную индустриализацию страны (правда, исключительно в своих интересах). С другой стороны, большая часть 35-летнего колониального правления прошла под знаком национального унижения корейцев, подавления их родного языка, культуры и даже замены корейских фамилий на японские. Вдобавок, около 16 процентов населения полуострова была насильственно вывезена на индустриальные объекты самой Японии, Южного Сахалина и Маньчжурии.

К концу эпохи Мэйдзи (1912 г.) Япония из незначительной феодальной страны на окраине евразийского материка превратилась в могучую империю, с которой приходилось считаться ее западным партнерам. Западной общественности после победы Японии над необъятной Россией пришлось посмотреть на нее по-новому, не со

снисхождением, а опаской, чтобы впоследствии не оказаться в положении поверженной России.

Десятилетие между окончанием Русско-японской войны и социалистической революцией в России ознаменовалось крупными переменами в «большой шахматной игре», в которую была вовлечена Япония. Прежде всего, за несколько лет коренным образом улучшились отношения с Россией, с которой было заключено четыре договора, что вылилось практически в союз двух держав. (Правда, в России находилось немало людей, считавших, что за новой «доброжелательностью» Японии скрываются чисто геополитические планы установить при удобном случае экономическое господство над российским Дальним Востоком.)

Противоположная динамика наблюдалась в отношениях токийских кабинетов с англосаксонскими странами. В течение нескольких десятилетий Великобритания и США доброжелательно (если не с одобрением) смотрели на такие агрессивные действия Японии как аннексия Окинавы (1872 г.), неравноправный договор с Кореей (1876 г.), захват китайского острова Тайвань и Пескадорских островов, установление сюзеренитета над Кореей (1894–1895 гг.). Русско-японская война вообще большей частью велась за счет американских займов. Англо-американскую позицию до поры до времени можно рассматривать как попустительство японскому экспансионизму.

Однако после аннексии Кореи в США и Западной Европе поползли слухи о «желтой угрозе» со стороны Токио. Американцев стали сильнее беспокоить захваты японцами новых территорий, а также усиленная эмиграция японцев в Калифорнию и на Гавайи (эмиграция в эти районы США, а также в Бразилию и Перу поощрялась властями в Токио ввиду аграрного перенаселения).

Попустительство стало меняться нарастающим раздражением в связи с тем, что японское правительство, объявив себя сторонником Антанты, на деле фактически не участвовало войсками на европейском театре военных действий (за исключением перевозок войск союзников по Средиземному морю и учреждения на свои средства госпиталя в Санкт-Петербурге). Для участия в боевых действиях в Европу японцы свои войска не посылали, но с геополитической точки зрения выгодно воспользовалось своей формальной принадлежностью к Антанте.

После начала войны в Европе Япония без особого труда захватила германские владения в Тихом Океане. На Шаньдунском полуострове Китая японцы овладели городом Циндао, который принадлежал Германии с 1897 г. В течение месяца были оккупированы германские владения в Микронезии – Каролинские, Марианские и Маршалловы острова. Едва не был захвачен даже далекий южный остров Самоа, чему помешали новозеландские войска. Вопрос об одностороннем захвате германских владений на Тихом океане вызвал серьезные разногласия между японским и британским правительствами.

Участие Японии в Первой мировой войне на стороне Антанты позволило ей получить геостратегически важные островные владения в Тихоокеанском бассейне. Параллельно с этим в геополитике Японии все большее значение стала приобретать концепция «особых интересов» в Китае. Ее апофеозом явилось унижительные «21 требование Китаю» в 1915 г., в разгар мировой войны, хотя Китай также фактически тяготел к Антанте. Одна из групп этих требований (пятая группа) наиболее сильно ущемляла суверенитет Китайской республики – вплоть до превращения ее в полуколонию Японии. Не без давления со стороны держав Антанты Японии пришлось отказаться

от пятой группы, но руководитель Китая Юань Шикай был вынужден подписать остальные условия, тоже достаточно унижительные.

В марте 1917 г. Китай, наконец, разорвал дипломатические отношения с Германией, надеясь на то, что официальное участие страны в войне на стороне Антанты приведет к уходу Японии из провинции Шаньдун и отмене кабального японо-китайского соглашения на базе «21 требования». Однако Парижская мирная конференция (1919 г.) отвергла претензии китайской делегации и районы, захваченные Японией в Китае, были за ней закреплены. В ответ в Китае развернулись мощные народные выступления, известные как «Движение 4 мая», и правительство отказалось подписывать мирный договор. (Шаньдун был возвращен Китаю лишь в 1922 г., хотя за японскими гражданами там сохранились особые права.)

Курс Токио на подчинение Китая все больше вступал в противоречие с «политикой открытых дверей в Китае» и объективно вел к конфликту с западными странами, прежде всего с США, которые почувствовали, что Япония начала свою, опасную для Запада игру.

Попустительство со стороны англосаксов Японии стало меняться антияпонскими мерами. Так, в 1919 г. США, к возмущению Японии, разрешили образовать на своей территории корейское правительство в изгнании. Позднее в США был принят закон об ограничении эмиграции, направленный против японцев.

5

МИЛИТАРИЗМ И ВОЕННАЯ ЭКСПАНСИЯ В АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Сразу после Октябрьской революции в России (1917 г.) японское правительство озаботилось возможностью захвата русских дальневосточных и сибирских территорий. В феврале 1918 г. японские войска получили от Антанты мандат на участие в оккупации Владивостока и Харбина, а также зоны КВЖД. Правда, США, чтобы не допустить чрезмерного усиления Японии в регионе, потребовали от нее обещания вывести свои войска после достижения целей интервенции. Японское правительство дало такие заверения, но не собиралось их выполнять.

Полная перипетий японская оккупация Дальнего Востока и Забайкалья длилась четыре года (1918–1922 гг.). Возможно, Япония не решилась бы на крупномасштабную интервенцию, если бы не было ее победы в войне 1904–1905 гг. Чтобы отторгнуть российские дальневосточные территории, в Токио вынашивали план создания из них буферного государства под протекторатом Японии. Президент США Вудро Вильсон просил Японию о выделении всего лишь 7000 чело-

век в состав 25-тысячного международного контингента. Японцы же отказались быть частью международных сил и объявили о создании собственного командования. К осени 1918 г. они нарастили численность своих войск в России с 7000 до 72 000 человек (в то время как контингент из США насчитывал лишь 10 000 человек).

Летом 1918 г. при поддержке восставших чехословаков в Приморье была свергнута советская власть, а Верховный военсовет Антанты принял решение расширить масштабы интервенции в Сибири. Японцы явно вознамерились воспользоваться складывающейся ситуацией и расширить масштабы своей империи. В частности, японский представитель поддержал мятежного казачьего атамана Григория Семенова, предлагая ему возглавить марионеточное государство.

В ходе экспедиции в западном направлении японские части сумели продвинуться очень далеко – почти до озера Байкал, по пути организовав оккупационные базы в главнейших городах края (Чита и т. д.). Параллельно происходила активная экономическая экспансия на Дальнем Востоке, при которой японские предприниматели скупали земельные участки и промышленные предприятия, добивались лучших рыболовных участков в русских акваториях, иногда вообще отказывались платить. Нечестные методы японских интервентов побуждали местное население к созданию партизанских отрядов.

Наиболее драматичным эпизодом интервенции явились действия анархистского отряда Якова Тряпицина, который в марте 1920 г. организовал резню японской колонии в г. Николаевске (погибло более 800 японцев), а потом и уничтожение всего города вместе с населением. Тряпицин был судим и расстрелян советскими властями, но «николаевский инцидент» послужил удобным поводом для японского отказа вывести свои войска с российского Дальнего Востока. Более того, Япония оккупировала северную часть Сахалина с намерением

оставаться там до образования «общепризнанного правительства в России» и «разрешения николаевского инцидента». Под этим предлогом дислокация японских войск на Дальнем Востоке длилась на 2 года дольше, чем присутствие американских войск.

Падение режима «верховного правителя России» А.В. Колчака в конце 1919 – начале 1920 г. (к чему японцы приложили руку) заставило США приступить к выводу сухопутных частей с востока России, в то время как численность японских войск там продолжала увеличиваться. Стало вполне возможным прямое военное столкновение советской России с Японией, во избежание которого, правительство в Москве предложило создать на востоке страны буферное квази-государство. В апреле 1920 г. на территории нынешней Бурятии была провозглашена так называемая Дальневосточная республика (ДВР), которая постепенно расширилась на восток. Японское руководство в принципе согласилось с идеей ДВР, лелея надежду в будущем превратить новое государство в свой протекторат (в Приморье удерживалось Временное правительство Приморской областной земской управы).

В октябре 1920 г. после сложных переговоров японские войска покинули территорию Забайкалья, но оставались в остальных регионах Дальнего Востока. Более того, японские войска стояли за спиной военного переворота, который произошел в мае 1921 г. во Владивостоке и привел к власти «правительство братьев Меркуловых». В этот период администрация США уже однозначно осуждала геополитические расклады Токио, возражала против нарушения территориальной целостности России, категорически отказывалась от признания экономических прав своего нового конкурента в Азиатской России.

Между тем, в российской гражданской войне грядущая победа большевиков практически не вызывала сомнений, что лишало пра-

вительство и крупный бизнес империи надежд на эксплуатацию природных ресурсов российского Дальнего Востока. Интервенция уже стоила Японии очень крупных расходов (около 600 миллионов иен по тогдашнему курсу), и продолжать высасывающую из бюджета соки экспедицию теряло всякий смысл. С другой стороны, японская интервенция нанесла крупный ущерб и российской экономике (плюс «повис в воздухе» вопрос о судьбе золотого запаса имперской России, который был отправлен белогвардейцами в Японию «на временное хранение»).

Захватническая политика Японии на востоке России привела к тому, что на Вашингтонской мирной конференции (конец 1921 – начало 1922 г.) она встретила с дипломатической изоляцией. Под внешним (а частично, и внутренним) давлением ее руководство было вынуждено вывести свои войска из Приморья: в октябре 1922 г. они покинули Владивосток. В январе 1925 г. в Пекине было подписано соглашение об установлении дипломатических отношений, а в мае 1925 г. Япония покинула Северный Сахалин (южная часть острова – Карафуто – оставалась в японском владении еще 20 лет, до 1945 г.).

В целом, геополитическая авантюра потерпела поражение, оказавшись напрасной тратой сил, средств и людей, однако это не помешало усилению сторонников так называемой активной, наступательной внешней политики, а это несло в себе возможность новой войны, войны против кого угодно. Важную роль в достаточно быстрой милитаризации национального самосознания с середины 1920-х гг. сыграл психологический фактор, позор от фактического поражения интервенции в советской России. Однако, по всей вероятности, преимущественную роль сыграли экономические соображения, в особенности фокус на обеспечении империи сырьевыми ресурсами. Быстрый экономический рост заставил японскую элиту

задуматься об ограниченности природных ресурсов, ибо ей требовалось все больше нефти, железной руды, угля, каучука, а также продовольствия, чтобы прокормить растущее население. Японские политики (в первую очередь, из числа военных) остро чувствовали, что успех модернизации и само существование Японии зависели от стабильного импорта и от контроля над торговыми путями, уязвимыми для внешних угроз.

В стране стали появляться геополитические теории установления японской гегемонии, причем уже далеко за пределами Восточной Азии. Широкую известность получил, опубликованный в китайской печати, так называемый меморандум Танака Гиити (премьер-министр Японии в 1927–1929 гг.), представляющий собой стратегию завоевания полумира. Документ содержал следующую геополитическую цепочку. Вначале Япония должна завоевать Маньчжурию и Монголию, которые станут плацдармом для завоевания Китая. После успеха в Китае все колонии западных держав в Юго-Восточной Азии, Индия, а также страны Южных морей будут бояться японской мощи и капитулируют перед ней. Тогда весь мир поймет, что Азия и Океания принадлежат Японии, и не осмелится оспаривать ее права. Меморандум якобы был представлен императору в 1927 г., но оригинал его не обнаружен, и в настоящее время считается, что он был китайской подделкой. Однако в 1930-х и 1940-х гг. он воспринимался общественностью как подлинный, поскольку дальнейшие действия Японии весьма точно соответствовали описанным в нем агрессивным планам. (Редкий пример, когда фальшивка оказалась предвидением.)

С начала 1930-х гг. стали нарастать противоречия между Японией и Западом и параллельно между Японией и СССР. Страна взяла на вооружение идеологию «пан-азиатства» под своим руководством.

Инициатива нового военного предприятия принадлежала Квантунской армии, дислоцированной на юго-западе Ляодунского полуострова (Квантунский полуостров). В сентябре 1931 г. она спровоцировала так называемый маньчжурский инцидент, оккупировала всю Маньчжурию и провинцию Жэхэ, дойдя до Великой стены. Вследствие разногласий среди японских военных пришлось отказаться от прямой аннексии Маньчжурии в пользу создания марионеточного государства Маньчжоу-го, которое и было провозглашено в 1932 г. Во главе его был поставлен «император» Пу И (последний наследник династии Цин), не имевший никакой реальной власти.

Фактически Маньчжурия, наряду с Кореей и Тайванем, стала рассматриваться как неотъемлемая часть японской империи, как своего рода ее продолжение на континенте. Там было развернуто промышленное и городское строительство, к переселению в Маньчжоу-го стали подталкивать японских крестьян, которым внушалось, что они выполняют историческую миссию по строительству идеального государства. Строя в колонии «вторую Японию», оккупационные власти даже объявили ее государственной религией синтоизм. Япония решила обосноваться в Маньчжоу-го всерьез и надолго.

Благодаря умелой пропаганде, агрессия в Маньчжурии нашла в японском народе широкую поддержку. Однако с точки зрения ультраправого офицерства, дальнейшей экспансии мешали многие из старых государственных и деловых лидеров. Встав на путь политических убийств, к середине 1930-х гг. офицеры-националисты, не особенно таясь, лишили жизни ряд видных деятелей, включая премьер-министров, «мешавших возродить самурайский дух». Террор предвещал, что захватом Маньчжурии геополитические аппетиты японских военных не ограничатся.

Между тем, Ассамблея Лиги наций в начале 1933 г. одобрила доклад «комиссии Литтона», которая перед этим ознакомилась с положением на местах. Хотя Лига и признавала «особые права и интересы» Японии в Маньчжурии, сам ее захват объявлялся незаконным, и Японии предлагалось вывести оттуда войска. Японское правительство сочло невозможным дальнейшее сотрудничество с Лигой наций и объявило о добровольном выходе страны из этой организации, еще более развязывая себе руки для территориальной экспансии.

Вскоре ребром встал вопрос о морских вооружениях. Вашингтонский договор 1922 г. устанавливал для водоизмещения военных флотов Великобритании, США и Японии соотношение 5:5:3. Обострение международных противоречий привело в 1934 г. к переговорам между США, Великобританией и Японией в Лондоне. Требования японской стороны об установлении полного паритета в морских вооружениях оказались категорически неприемлемыми для англосаксонских держав. Переговоры зашли в тупик, и в Токио объявили о денонсации всех ранее подписанных военно-морских соглашений. В короткий срок империя обзавелась боевым флотом, соизмеримым по мощи с флотом США. Начался период резкого развития практической японской геополитики на Тихом океане. Милитаристские лидеры рвались в бой за ресурсы, морские проходы, вообще за господство в Тихоокеанской Азии, но пока еще искали главные направления ударов, а также союзников в грядущей войне.

После закрепления в Маньчжурии имперская Япония вторглась в другие районы Китая, для того, чтобы использовать его природные ресурсы и рабочую силу, начав, тем самым, Вторую Китайско-японскую войну (1937–1945 гг.). Японская армия быстро захватила важнейшие города, включая столицу Нанкин, учинив там крупномасштабную резню. Зарубежную общественность поражала не-

обыкновенная жестокость, с которой японцами велись военные действия в Китае: так, в результате «нанкинского инцидента» (1937 г.) погибло от нескольких десятков тысяч (по японским оценкам) до 300 000 (по китайским данным) мирных горожан.

1930-е гг. стали периодом роста милитаризма в японском правительстве, в политике и в самом японском обществе. Извращенная геополитическая наука придавала как бы «научный» и современный вид растущему экспансионизму. Заметную роль в милитаризации страны сыграли идеологемы вышеупомянутого немецкого политолога К. Хаусхофера, который ранее посещал Японию, служил там военным советником, восторгался ее сильным военным духом и пользовался исключительной симпатией военной верхушки и офицерства. Во второй половине 1930-х гг. образовалась и усилилась так называемая Киотосская школа японской геополитики во главе с проф. Комаки Саносигэ, которая, как показывают новые исследования, имела непосредственные связи с правительствами военной поры. Эта школа, существовавшая в рамках Киотосского императорского университета, несет свою долю ответственности за тотальную шовинистическую пропаганду, за промывку мозгов и увлечение «пассионарными» идеями и чувством собственной исключительности большей частью нации, за искоренение пацифистских настроений. Агрессия в Китае и подготовка войны за его пределами происходили на фоне нагнетания неумеренного культа императора (к чему сам император Хирохито имел лишь косвенное отношение).

После оккупации Маньчжурии, между СССР и Японией возникла непосредственная и очень протяженная граница. Учитывая прошлые исторические пятна в двусторонних отношениях, неудивительно, что на этой границе стали регулярно происходить инциденты. Тем временем штаб Квантунской армии разработал план войны про-

тив СССР, который предусматривал использовать для этой цели 18 дивизий. В конце 1930-х гг. Япония предприняла две попытки прощупать военные способности и потенциал Советского Союза. Такowymi явились события возле озера Хасан (лето 1938 г.) и сражения на территории Монголии, в районе реки Халхин-Гол («наманганский инцидент», или «вторая японско-русская война») с весны до осени 1939 г. На Хасане победившей стороной оказался СССР, хотя его потери были больше, чем у Японии. Поражение на Хасане милитаристы из числа сторонников расширения империи «вплоть до Байкала» восприняли как вызов. Однако и сражения на Халхин-Голе против объединенных советско-монгольских сил завершились разгромом 6-й отдельной армии Японии. Выяснилось, что увязнув в китайской войне, Япония сильно недооценила военный потенциал более серьезного противника – Советского Союза. Это поражение, будучи потрясением для японского общества, впоследствии стало одной из причин отказа от нападения Японии на СССР, когда началась советско-германская война. Генеральный штаб Японии, принял решение не атаковать СССР, пока дружественная Германия не будет побеждать наверняка. (Шаткий мир между Японией и СССР продолжался до августа 1945 г., и хотя отношения между ними вряд ли можно назвать удовлетворительными, взаимные посольства в Москве и Токио функционировали в штатном режиме.)

В связи со стремлением стать новой сверхдержавой в своем регионе Япония решила в 1940 г. на заключение Тройственного пакта с Германией и Италией, признававшими ее «руководящее положение» в Восточной Азии. Будущее показало, что испортив отношения с сопредельными державами (США, СССР и Китаем) и заключив союз с географически удаленными Германией и Италией, токийские власти совершили крупную стратегическую и геополити-

ческую ошибку. Нацистской Германии не удалось добиться подчинения японской политики своим целям, и Японии была оставлена свобода выбора направлений и сроков агрессии в Азии и на Тихом океане. Помимо моральной и дипломатической поддержки Гитлер и Муссолини ни практически, ни даже теоретически не могли помочь Японии. Точно так же в военном отношении и Япония не могла, да и не стремилась, реально помочь им. В итоге Япония ввязалась в войну против ведущих держав мира, не имея реальных шансов на победу.

Во второй половине 1930-х гг. Япония с геополитической точки зрения стояла на перепутье. Ее растущая промышленность (в первую очередь производство вооружений) требовала все большего количества сырья и энергоносителей. Уже существующие колонии в Азии (Корея, Тайвань, фактически основная часть Китая) обладали далеко не полным набором или количеством природных ресурсов, необходимых для Японии, и не гарантировали безопасность торговых путей. На фоне всеобщей милитаризации и промывки мозгов японского народа сомнений в том, что большая война неизбежна, почти не было.

В связи с мобилизацией молодых людей и последующей войной на Тихом океане в стране явственно ощущался недостаток рабочей силы. Одним из важных способов решения проблемы стало насильственное переселение корейцев, преимущественно крестьян, в японские владения. По некоторым данным, порядка 4 миллиона корейцев (около 16% всего населения) были перемещены в Японию, Маньчжурию и Южный Сахалин в качестве дешевой рабочей силы. В самой Корее (так же как и в Маньчжурии) быстрыми темпами росла тяжелая промышленность (в основном военного назначения) и происходила урбанизация этих аграрных стран – разумеется, исходя из нужд Японской империи.

Под вопросом оставался выбор направления для нанесения удара. Рассматривалось несколько вариантов. Либо морской удар на юг и восток – против США и колоний западноевропейских держав (за него выступало военно-морское министерство). Либо на запад – в сторону Монголии, внутренних районов Китая, Тибета и азиатской части Советского Союза (за этот выбор ратовало военное министерство). В конечном итоге победила идея экспансии на Тихом океане. Выражаясь в геополитических терминах, талассократия («власть посредством моря») возоблудала над теллуократией («власть посредством земли»). Добиться монопольного морского господства в регионе, пусть даже ценой войны с западными державами, стало императивом японской геополитики.

В качестве пропагандистского обоснования территориальных притязаний Японии возникла концепция Великой Восточноазиатской сферы процветания, в которую должны были войти как уже обретенные, так и будущие японские колонии в АТР. В перспективе «сфера» должна была простираться от Восточной Сибири до Гавайских островов и далеко на юг. Авторство этой концепции традиционно приписывается премьер-министру Коноэ Фумимаро. Но формально лозунг «восемь углов под одной крышей» был впервые выдвинут министром иностранных дел Мацуока Ёсукэ в августе 1940 г. Становясь в позу освободителей восточноазиатских народов под лозунгом «Азия для азиатов», японские стратеги пытались сыграть (порой не безуспешно) на националистических чувствах в британских, французских и прочих западных колониях.

Интересы обеспечения вооруженных сил ресурсами для продолжения войны на китайском фронте повлекли за собой японское вторжение в северную часть французского Индокитая в июле 1940 г. Собственно, Япония оккупировала этот регион с согласия подкон-

трольного Гитлеру режиму Виши во Франции, но эта новость сильно взволновала западные державы. Отношения с ними быстро двигались к точке кипения. США, беспокоясь о своих тихоокеанских владениях (особенно о Филиппинах), выдвинули токийским властям ультиматум – либо отказаться от последних территориальных приобретений, либо подвергнуться нефтяному эмбарго (в то время США поставляли Японии около 80% потребляемой нефти). Без нефти она не могла бы вооружаться и даже выжить. Токио предстояло сделать выбор – либо капитулировать в Индокитае, либо претендовать на обширные ресурсы Юго-Восточной Азии, в особенности на богатую нефтью Голландскую Восточную Индию (впоследствии Индонезию).

Второй выбор приводил к военному столкновению с западными союзниками. Введенное со стороны США, Великобритании и Нидерландов эмбарго на поставки нефти, стали и другого необходимого сырья в Японию сделало войну неизбежной. На Тихоокеанскую войну Япония решила, прежде всего, из геоэкономических соображений – ради природных и людских ресурсов, а также ради безопасности морских проходов между Японией и территориями, откуда эти ресурсы должны были поставляться.

Истории войны на Тихом океане посвящено море литературы, поэтому имеет смысл не останавливаться на ней подробно. Оценив эмбарго как акт агрессии, способный привести страну к краху, Япония 8 декабря 1941 г. атаковала американский флот в гавани Пёрл-Харбор на Гавайских островах, одновременно подвергнув бомбардировкам американские Филиппины и британские Гонконг и Малайю. Атаковав Пёрл-Харбор, японское руководство ввергнуло страну в полномасштабную войну с США и союзниками. После гавайской катастрофы японцы, проживающие на территории США,

были интернированы в специальные резервации как потенциальные пособники японского милитаризма.

Судя по интенсивности, масштабам и первоначальным успехам японская агрессия на Тихом океане справедливо может быть названа одной из крупнейших военных авантур в истории человечества. Под временным контролем японских военных оказались гигантские территории и морские акватории. В добавление к Корее, Тайваню, Маньчжурии, Южному Сахалину, восточным (самым населенным) провинциям Китая и Индокитаю императорскими вооруженными силами были полностью или частично захвачены Гонконг, Филиппины, Малайя, Сингапур, Бирма, Голландская Ост-Индия (будущая Индонезия), Новая Гвинея, Соломоновы острова, ряд прочих островов Тихого океана (Гуам, Уэйк, Палау и другие). Японские ВВС бомбили даже Дарвин на северном побережье Австралии (*рис.*).

Японское руководство оперативно подошло к освоению захваченных территорий, включая даже выпуск специальной валюты. Жесточайшей эксплуатации подвергалось население этих стран и районов, которое заставляли в тяжелых условиях строить военную инфраструктуру, снабжать сырьем и продовольствием саму империю и ее оккупационные войска. Япония добивалась, чтобы население захваченных ею стран подчинялось ей не только политически и экономически, но и на ментальном уровне (как «младшие братья» японцев). Но в то же время оккупационные войска вели себя по отношению к местному населению крайне жестоко, что Японии многие не прощают до сих пор, в особенности в Корее и Китае. Правда, следует признать, что, несмотря на японские жестокости, в ряде территорий местные патриотические силы в разной степени поддерживали Японию в надежде на то, что она поможет им освободиться от колониальной зависимости от держав-метрополий.

Empire of Japan

Рис. Максимальные размеры японских владений в ходе Тихоокеанской войны

Однако победоносное наступление японцев на Тихом океане длилась сравнительно недолго – с декабря 1941 по май 1942 г., после чего военное счастье стало изменять японцам. Началом перелома в войне считается сражение у атолла Мидуэй (июнь 1942 г.), а самым переломом – битва (с августа 1942 по февраль 1943 г.) за контроль над островом Гуадалканал, в которой в конце концов победили США. Несмотря на фанатизм японских войск, бороться с военной машиной США и их союзников становилось все труднее. Помимо чисто военных потерь, на Японию удручающим образом действовали систематическое уничтожение союзными войсками транспортов с сырьем, топливом и продовольствием, идущих в Японию, т. е. фактически то, ради чего начиналась война.

С середины 1943 г. японские войска на тихоокеанских просторах фактически перешли уже к обороне. После поражения на Соломоновых островах к началу 1944 г. японцы не смогли выиграть ни одного сражения на океане. Успехи войск США, массовые бомбардировки японских городов, наконец, две атомные бомбардировки в августе 1945 г. и сдача в плен Квантунской армии и гарнизонов на Курильских островах Советскому Союзу в это же время привели страну к катастрофе и безоговорочной капитуляции, подписанной 2 сентября 1945 г. В советском плену оказалось более 500 000 японских офицеров и рядового состава. Этим поражением закончились все японские попытки территориальных приобретений военной силой.

В акте о капитуляции говорилось, что территория Японии будет ограничена четырьмя большими островами и теми малыми, которые будут указаны союзными войсками. Потеряв все свои заморские колонии, Япония лишилась к тому же Окинавы, оккупированной американцами, а также Южного Сахалина и Курильских островов, аннексированных Советским Союзом. Тайвань и зона Южно-Маньчжурской железной дороги вернулись под юрисдикцию гоминьдановского Китая. Корея была разделена на советскую и американскую зоны оккупации. Квантунская область на Ляодунском полуострове была аннексирована СССР, а ненадолго захваченные японцами острова Южной Океании стали подмандатными территориями США. Фактически Японская империя вернулась к границам, существовавшим в период Токугава. Более того, страна чуть было не потеряла остров Хоккайдо, ибо главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Василевский отдал приказ об его оккупации (десант не был осуществлен по независящим от него причинам).

В 1930–1940 гг., развязав Тихоокеанскую войну, японские милитаристы причинили невыразимую боль и ущерб народам почти всей западной части Тихоокеанского кольца и островов Океании. По некоторым данным, в ходе войны погибло только китайцев и японцев около 16 миллионов человек (из них 13 миллионов – китайцы). По прошествии более чем 70-ти лет память об агрессии не выветрилась в Восточной Азии, в особенности в Китае и в обеих Кореях.

С другой стороны, и для самой Японии поражение 1945 г. обернулось экономическим крахом: страна оказалась почти целиком разрушенной и лишённой военной силы, природных ресурсов и уважения в мировом сообществе. Рухнули и прежние идеалы, население столкнулось с идейным и духовным кризисом. Император вскоре публично отрекся от своего божественного происхождения. Директивной оккупационных властей синтоистская религия была отделена от государства. Но самое главное заключалось в том, что поражение лишило Японию суверенитета, превратило из субъекта в объект мировой политики. Пятидесятилетняя (1894–1945 гг.) большая геополитическая стратегия, заточенная на территориальные захваты, потерпела полное фиаско.

На совещании министров иностранных дел коалиции (Москва, декабрь 1945 г.) для управления Японией были учреждены Дальневосточная комиссия (с центром в Вашингтоне) и Союзный совет (с местонахождением в Токио). Правда, по мере разгорания «холодной войны» значение этих международных органов резко ослабло. Для осуществления оккупации на территорию Японии были введены в основном американские военные силы под общим командованием генерала Дугласа Макартура (1945–1951 гг.). В течение этого периода правительство и император подчинялись верховному командующему союзными войсками, хотя управление на местах осуществлялось

косвенно – через японские правительственные органы. Решающую роль Макартура в японской политике нередко сравнивают с ролью сёгунов в средневековую эпоху. До апреля 1952 г. о какой-либо собственной японской геополитике речи идти не могло.

Американская оккупация привела к поистине революционным изменениям в большинстве сфер японского общества и государства – в финансовой, экономической, индустриальной, религиозной, гендерной, юридической, аграрной, образовательной и других сферах. Она явно способствовала прогрессу и демократизации страны. Первоначальной целью оккупационных войск было проведение демилитаризации Японии. Предполагалось даже сделать ее чисто аграрной страной, но вскоре логика «холодной войны» заставила руководство США поменять стратегию и настроиться на превращение Японии из поверженного противника в ближайшего союзника и в витрину капитализма в АТР. Благодаря так называемой линии Доджа в конце 1940-х гг. была осуществлена реформа налоговой системы Японии, что способствовало стабилизации экономики страны.

Однако еще до этого США фактически навязали Японии новую конституцию (май 1947 г.) с ее знаменитой антивоенной статьей 9. Конституция демократизировала общество, но главной ее задачей с точки зрения США была ликвидация в будущем японской угрозы американским стратегическим императивам, включая военное доминирование на Тихом океане. Первоначально конституция должна была начисто лишить Японию всех видов вооруженных сил, но конечная ее версия разрешала использовать их в качестве легитимного выбора при нападении на страну. После вступления в силу Сан-Францисского мирного договора (подписан в сентябре 1951 г.) оккупация закончилась, и в 1952 г. Япония вновь стала формально суверенным государством.

После окончания оккупации Япония стала основой американского присутствия в АТР, полусоюзником и полупротектором США. Пост-оккупационная история Японии обычно делится на четыре этапа: а) восстановление под американской гегемонией (1950–1970 гг.); б) относительно независимая внешняя политика (1971–1990 гг.); в) поиски новой мировой роли после окончания холодной войны (1991 г. – конец 2000-х гг.) и г) современный этап.

Начинать новый цикл развития страны приходилось с нуля. Единственным способом в 1950-х гг. выбраться из послевоенной катастрофы был переход от геополитики к геоэкономике, говоря более конкретно, наращивание экспорта любыми силами. Всеобъемлющее преобладание геоэкономике приобрело характер магистрального императива Японии на многие десятилетия вперед. Имея американские гарантии безопасности, Япония разрабатывала новую стратегию для достижения своего важнейшего геополитического императива, а именно стабильного снабжения внешними ресурсами, но на сей раз чисто коммерческими методами. В идеале, предполагалось восстановить статус Японии как великой державы, но уже не военной, а экономической.

Между тем, начиная с 1948 г., США стали фокусироваться на восстановлении японской экономики, причем процесс этот ускорился ввиду потребностей для снабжения американской армии в Корее. Также по мере развертывания холодной войны США мечтали видеть в Японии надежный барьер для противостояния коммунизму в Восточной Азии. Гигантские промышленные конгломераты «дзайбацу», тесно связанные с ведением войны и распущенные в начале оккупации, были вскоре реабилитированы и возродились в новой модификации – как «кэйрэцу». Возрождение большого бизнеса, к удовле-

творению японских элит, позволяло стране возобновить экспорт товаров и услуг за рубеж.

Летом 1950 г., после начала войны в Корее американские власти стимулировали создание национального полицейского резерва (зародыш будущих Сил самообороны). Этот «резерв», состоящий из 75 000 человек, должен был перенять функции поддержания внутреннего порядка в Японии от уходящих американцев с перспективой его увеличения. На переговорах между премьер-министром Ёсида Сигэру и госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом стороны сошлись на цифре в 110 000 человек. От вовлечения в корейскую войну Япония сумела уклониться благодаря своей, сформулированной самими же американцами, конституции.

Результаты переговоров Даллес – Ёсида (1950 г.) оказались главным событием для японской внешней политики более чем на столетие вперед. Национальной целью номер один объявлялось восстановление экономики, немыслимое без всестороннего сотрудничества с Америкой. Далее, японские военные силы обязывались обходиться только легким вооружением и не втягиваться в международные конфликты. Наконец, американским вооруженным силам на длительное время представлялись территории для военных баз, в основном для сдерживания СССР на Тихом океане. Иными словами, Япония отказывалась от самостоятельной военно-стратегической роли, и в вопросах безопасности полагалась на альянс с США на правах младшего партнера. За этими принципами закрепился термин «доктрина Ёсиды». На указанных условиях в 1951 г. был подписан японо-американский договор о взаимной безопасности (видоизменен в 1961 г.), ставший основой японского неомеркантилистского, чисто коммерческого подхода к последующей внешней политике.

Установившаяся модель отношений с США казалась удобной для Японии. Страна была ограждена от жесткой реальности международной политики, преследуя чисто коммерческие цели. Однако Японии пришлось платить свою цену за неучастие в системах безопасности на Тихом океане. Двусторонний договор был явно неравноправным, ибо сохранил многие из прерогатив, которыми пользовались США во время оккупации (прежде всего, военные базы). Почти всю вторую половину XX в. международная политика Японии в основном находилась на службе интересов ее патрона и протектора – США. Сама Япония играла сравнительно пассивную роль в мировых делах, а ее собственная геополитика (в отличие от геоэкономики) обнаруживалась лишь эпизодически. В то же время, действуя под патронатом США, Япония извлекала и собственные, опять-таки преимущественно экономические, дивиденды.

6

БОЛЬШАЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ЯПОНСКИЙ МЕРКАНТИЛИЗМ

Японскую послевоенную внешнюю политику можно определить как необычную комбинацию исключительно активной экономической деятельности и осторожного, так называемого реактивного подхода к внешнему миру в других сферах. Реактивность означает то, что перемены в мире осуществляют другие страны, а Японии к этим переменам старается приспособиться и обернуть их в свою пользу (так называемая дипломатия айкидо).

В целом японская дипломатия была ориентирована главным образом на поддержание бесконфликтных отношений с важнейшими торговыми партнерами. До самого последнего времени (до начала 2010-х гг.) Япония сталкивалась лишь с горсточкой международных проблем, реально требовавших судьбоносных решений. Взамен погружения в стратегические проблемы Япония, можно сказать, изобрела так называемую экономическую дипломатию, доказавшую свою эффективность. Так, Окига Сабура, выдающийся ученый и дипломат, в начале 1990-х гг. в беседе с автором отмечал, что 90% ра-

боты японского МИД было связано с экономическими вопросами. Это было показательно, учитывая, что в стране функционировали могущественное Министерство экономики, торговли и промышленности, а также исключительно активная квази-правительственная ДЖЕТРО – Организация внешней торговли, занятая продвижением японских товаров и услуг за рубеж.

Первым серьезным проявлением экономической дипломатии стала выплата Японией репараций жертвам ее агрессии в Южно-Восточной Азии (ЮВА). Большинство из них после окончания войны освободились от власти метрополий, но были крайне бедны и находились на начальной стадии национального строительства. Между тем, везде память о гигантском ущербе от японского милитаризма была очень свежа. Имелось решение союзных держав о выплате Японией репараций жертвам агрессии, но и сам японский истеблишмент понимал, что без определенной компенсации установление нормальных отношений с новыми государствами ЮВА невозможно. Репарационные платежи, во-первых, хорошо вписывались в стратегию холодной войны как японский вклад в антикоммунистическую стратегию США в регионе. Во-вторых, они как бы демонстрировали раскаяние Японии за военные преступления. В-третьих, и это, видимо самое главное, они выплачивались не в денежном выражении, а японскими товарами и услугами.

Экономическая дипломатия Токио сумела уникально воспользоваться этими трансфертами: вместо того, чтобы ослабить побежденную в войне нацию, они, наоборот, способствовали ее хозяйственному возрождению. Безвозмездно передаваемые в ЮВА машины и оборудование в дальнейшем требовали запасных частей и комплектующих, ремонта, обслуживания, обучения персонала, т. е. услуг, за которые нужно было уже платить. К тому же местные производи-

тели просто привыкали работать на японском оборудовании. Ремонтные платежи помогли «приучить» развивающиеся страны региона к продукции «made in Japan» и проложили путь дальнейшему японскому частному экспорту и прямым инвестициям.

В 1959 г. закончились выплаты репараций странам ЮВА, составившие около 1,7 миллиардов долларов. Выплаты этих репараций осуществлялись при самой благожелательной поддержке со стороны американских патронов. Геополитически эти платежи «натурой» оказались удачным ходом, который позволил начать привязку целого региона ЮВА к японской экономике. Именно отсюда берет начало хронический дефицит стран ЮВА в торговле с Японией, сохранившийся на долгие десятилетия, ибо сравнительно дешевые сырьевые товары из новых независимых стран обменивались на японскую продукцию с высокой добавленной стоимостью.

После оккупации японцы сумели извлечь крупные выгоды из благоприятных внешних экономических условий, обеспеченных Америкой. Дело в том, что американское руководство фактически запретило Японии вести торговые отношения с новым коммунистическим Китаем. Однако до этого Китай долгое время был, возможно, экономически для Японии важнее всего остального мира. Понимая потребности японских корпораций, американцы были вынуждены предоставить им преференциальный доступ к своему массовому потребительскому рынку взамен китайского. В то же время американцы смотрели сквозь пальцы на протекционистскую политику, проводимую Японией (контроль над движением капитала, девальвация иены, которая обеспечивала продвижение экспорта за рубеж и т. д.). В этих условиях страна выковывала свою внешнюю политику, основанную на неомеркантилизме, и последующий экономический бум оказался просто беспрецедентным.

Следование в фарватере американской международной политики имело двойной эффект. Геополитически от выгодного географического расположения Японии выигрывали США, поскольку могли неограниченно использовать свои военные базы на Окинаве и в других районах архипелага при ведении корейской (1950–1953 гг.) и вьетнамской (1964–1975 гг.) войн. С экономической же точки зрения обе войны, в особенности война в Корее, обернулись золотым дном для японских корпораций, которые обеспечивали американские войска всеми необходимыми товарами и услугами (за исключением оружия), пользуясь удобством географического положения.

Подчиненность американским требованиям, правда, не исключало принятие самостоятельных решений, когда того требовали исключительные обстоятельства. В частности, среди влиятельных японских деловых кругов крепло давление в пользу возобновления экономического доступа к КНР, необходимого для восстановления Японии. Уже в 1952 г. японскими бизнесменами в Пекине было подписано неофициальное торговое соглашение с Китаем, а в следующем году японский парламент единогласно принял резолюцию о необходимости торговли с Пекином. Несколькими годами позже одновременно в Пекине и в Токио были созданы «торговые представительства», которые играли роль неофициальных посольств.

Другой прецедент касался отношений с Советским Союзом, которые были разорваны после войны. В 1956 г. благодаря визиту премьер-министра Хатояма Итиро в Москву Япония и СССР смогли договориться о нормализации дипломатических отношений, а это позволило Японии быть принятой в ООН и вновь стать полноправным игроком на мировой арене. Вашингтон не был в восторге от обоих прорывов японской дипломатии, но предпочел не акцентировать эти отклонения от базовой антикоммунистической политики.

С 1960-х гг. в международной политике Японии все большую роль стала приобретать японская официальная помощь развитию (ОПР). Естественно, что главным объектом такого «экономического сотрудничества» стали страны Юго-Восточной Азии, которые до этого были получателями военных репараций. За десятилетия, прошедшие с тех пор, мотивы и цели японской помощи «третьему» миру менялись и переплетались между собой. Японская сторона использовала ее для стимулирования экспорта товаров и услуг, как стратегические инвестиции, как способ укрепления доверия, как средство решения двусторонних проблем, как манифестацию экономической мощи и регионального лидерства, как орудие покупки влияния в международных организациях и т. д. В любом случае, ОПР постепенно превратилась в главное (а в сущности, единственное) орудие японской геополитики в развивающемся мире. В Юго-Восточной Азии за счет помощи и последующих прямых инвестиций Япония обеспечила себе доступ к тем самым источникам энергии, которые она пыталась захватить силой во время минувшей войны. В особенности это касается Индонезии, наиболее населенной и богатой природными ресурсами страны ЮВА, которая на несколько десятилетий вперед стала японским «фаворитом в квадрате». Для Японии она представляла особую ценность не только как идеальное место для частных инвестиций, но и как хранитель проливов, через которые проходила львиная доля торговли с Европой и Ближним Востоком; в случае их закрытия Японию постиг бы сильный экономический кризис. Дружественные отношения с Индонезией требовали постоянной «смазки» до конца правящего режима Сухарто и после него.

В течение 20 лет после войны дипломатических отношений между Японией и Республикой Корея не существовало из-за анти-японской позиции властей республики. Заключение Договора о нор-

мализации в 1965 г. восстановило многовековые связи между соседними странами. Нормализация открыла дверь широкой японской экспансии на юге Корейского полуострова, и ее результаты были поистине драматичны. В течение всего лишь одного года после восстановления связей Япония обогнала США в качестве ведущего торгового партнера Республики Корея, а вскоре стала и главным инвестором в этой стране. Привязке корейской экономики к Японии способствовали также два пакета помощи из Токио (1 миллиард долларов в 1965 г. и 4 миллиарда долларов в 1982 г.). Тесная взаимосвязь обеих стран облегчалась, конечно, географией: они находятся в 1–2 часах полета друг от друга и входят в один и тот же часовой пояс. Экономическому закреплению Японии в Республике Корея существенно помогла также схожая структура отношений между бизнесом и государством. Однако, несмотря на мощные деловые связи, политического влияния и симпатий Япония в этой стране не приобрела. Отношения между этими странами наглядно показывают, насколько геоэкономика и внешняя политика могут серьезно расходиться в одно и то же время.

В 1960-х гг. Япония значительно усилила мощности по международным перевозкам грузов и, как следствие, резко повысила свою роль в мировых морских коммуникациях, что также помогло стимулированию экспорта из страны. Из года в год стремился вверх актив ее внешнеторгового баланса, в особенности за счет рынков США, Восточной и Юго-Восточной Азии. В то же время мировые цены на первичное сырье и топливо в 1950–1960-х гг. оставались сравнительно низкими и доступными для Японии. Вскоре она стала гигантом в мировой торговле. Государство умело использовало высокий уровень сбережений граждан своей страны и помогало инвестировать их в стратегически важные отрасли. Глубокая вовлеченность

государства в управление экономикой способствовала так называемому японскому «экономическому чуду»: ВВП вырос в два раза в 1960–1967 гг., а к концу десятилетия по его размерам страна вышла на второе место в мире, причем, несмотря на некоторые спады, ее экономика продолжала расти высокими темпами и дальше – до начала 1990-х гг.

Таким образом, Япония к концу 1960-х гг. превратилась из полностью разрушенной страны в крупнейшую экономическую державу, вторую по величине после США. Показательно, что в советской пропаганде того времени Япония стала представляться как один из «центров межимпериалистического соперничества».

Уже в 1960-х гг. она стала оказывать заметное влияние на большей части АТР и становиться образцом для экономического развития других азиатских стран. Японская модель роста показывала другим восточноазиатским странам реальный путь развития и повышения уровня жизни. Модель была применена во многих странах и доказала свою эффективность: экономический рост расположенных в регионе стран до конца века был самым высоким в мире. На время Япония стала своего рода маяком для стран Восточной и Юго-Восточной Азии, де-факто лидером их экономического подъема.

В то же время Япония стала уже встречаться с недоверием и сопротивлением своему желанному лидерству, с обвинениями в неоколониализме и в том, что она стремится создать в регионе свой «хинтерланд». Так, в 1966 г. усилиями японской дипломатии был дан старт Азиатскому банку развития (АБР) как инструменту помощи развивающимся странам на многонациональной основе, но преимущественно в японских интересах. Создание этого банка оказалось одновременно и триумфом, и поражением Японии. Триумфом – потому что впервые Япония выступила на равных с США: взносы обеих держав в

первоначальный капитал банка были одинаковы. Поражением – потому что из-за опасений азиатских наций в японском доминировании было решено поместить штаб-квартиру АБР в Маниле (Филиппины), а не в Токио, как на то надеялось японское правительство. (Правда, со времени создания банка и по сегодняшний день его директорами служили исключительно японские финансисты.)

После окончания Второй мировой войны интересы экономической экспансии Японии требовали политической стабильности в соответствующих регионах и странах: ей не нужны были конфликты. Хотя Япония имела экономические выгоды от войны, которую США с середины 1960-х гг. вели во Вьетнаме, в целом длительная нестабильность в регионе вредила ее долгосрочным планам. К тому же вьетнамская война была непопулярна в японском обществе, а использование американцами военных баз на Окинаве возбуждало антиамериканские настроения – как националистического, так и пацифистского характера.

На этом фоне японское правительство (кабинеты Сато Эйсаку и Мики Такэо) сыграло значительную роль в создании Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в которую первоначально вошло 5 стран – Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Сингапур. Все эти государства (кроме Таиланда, который был фактически японским союзником) во время Тихоокеанской войны были оккупированы Японией, а позже стали получателями военных репараций, ОПР и частных инвестиций от Японии. Японии легче было оперировать каждый раз не с отдельными странами, а с их группировкой, которой АСЕАН и стала. Во имя стабильности в регионе можно было стимулировать создаваемую Ассоциацию к примирению с Северным Вьетнамом. Имея дело с единой группировкой, также можно было надеяться на смягчение напряженности отношений в треугольнике

Индонезия – Малайзия – Сингапур, возможные вооруженные столкновения между которыми нанесли бы ущерб японскому судоходству, импорту нефти и экспорту товаров в проливах южных морей.

В 1969 г. в ходе переговоров между премьер-министром Сато и президентом Р. Никсоном была успешно решена важнейшая для Японии геополитическая проблема островов Окинава. США пообещали через три года вернуть Японии суверенитет над всем архипелагом при условии неприкосновенности американских баз на островах. Япония также обязалась серьезно расширить правительственную помощь проамериканским режимам в развивающемся мире. Американцы сдержали свои обещания, и в 1972 г. Окинава стала 47-й префектурой Японии, вследствие чего территория страны расширилась и, по-видимому, окончательно приобрела современные очертания.

В 1970-е и в 1980-е гг. Япония продолжала укрываться под американским военным зонтиком, но вместе с тем выдвинула несколько новых инициатив, предполагавших более активную внешнюю политику. Такая самостоятельность вытекала из относительного упадка американской гегемонии в АТР, а также ухудшения двусторонних политических отношений на фоне постоянно растущего дефицита США в торговле с Японией.

Когда в начале 1970-х гг. президент Никсон без консультаций с Токио решил установить официальные отношения с Пекином, это оказалось шоком для Японии. Японское правительство не замедлило с нормализацией собственных отношений с Китаем и (в отличие от США) обменялись полноценными посольствами. (Интересно, что когда премьер Танака Какуэй прибыл для переговоров в Китай, Мао Цзэдун, в отличие от других азиатских лидеров, отказался от требования выплаты Японией репараций за военный ущерб, предложив начать отношения с чистого листа.)

Существенно, что при нормализации взаимоотношений с Китаем (1972 г.) возникли серьезные разногласия по поводу суверенных прав на скалистые островки Сэнкаку, конкретнее по поводу демаркации континентального шельфа этих островков и прав на подводную добычу нефти и других ископаемых. В результате, этот спор был оставлен на рассмотрение следующему поколению. (Как известно, при следующем поколении, в XXI в. этот спор только усугубился.)

Другой пример внешнеполитической самостоятельности был продемонстрирован Японией в 1973–1974 гг. в связи с мировым нефтяным кризисом. Страна, имеющая репутацию стойкого американского союзника, оказалась под угрозой арабского нефтяного эмбарго, и к большому неудовольствию США ей пришлось быстро сменить свою израильскую ориентацию на проарабскую. В частности, доля Ближнего Востока, и без того относительно богатого, в японской помощи достигла почти 25% общего объема ОПР. Мировая печать отмечала, что никто не прогибался так низко перед арабскими шейхами, как Япония в 1970-х гг. Однако, для нее бесперебойное снабжение нефтью было вопросом национального выживания. В этих условиях дистанцирование от США и Израиля оказалось единственным возможным вариантом решения энергетической проблемы. Японская экономическая дипломатия в очередной раз проявила свою эффективность и во время второго энергетического кризиса (1979 г.), обеспечив достаточное снабжение страны углеводородными ресурсами.

В эти годы большой бизнес страны уверенно переключался на стратегию зарубежного инвестирования, в частности, ради обеспечения сырьевыми материалами, необходимыми для быстрого экономического роста. На Ближнем и Среднем Востоке создавались крупные нефтедобывающие компании. Однако, преимущественно япон-

ские прямые капиталовложения направлялись в объекты своего быстрого колониализма – в Республику Корея, Тайвань, а также в страны АСЕАН, изобилующие дешевой рабочей силой, широким набором сырья и топлива, свободными территориями. Японская дипломатия стала в эти годы по-настоящему многовекторной, имея своей главной задачей доступ к максимальному числу рынков сбыта и источников сырья, дабы понизить уязвимость страны.

Между тем, в ЮВА зрело недовольство эгоистичным поведением японских инвесторов, за которыми закрепилось прозвище «уродливые японцы». Игнорирование ими местных интересов вылилось в антияпонские бунты, когда в этот регион нанес визит премьер-министр Танака Какэй.

Переломить недовольство в ЮВА взялся следующий кабинет министров. Его глава Фукуда Такэо во время посещения Филиппин в 1977 г. огласил новую инициативу своего правительства (так называемая доктрина Фукуды или Манильская доктрина). Доктрина Фукуды оказалась самой яркой геополитической инициативой японского правительства за долгие годы. В ней провозглашалась воля Токио к стабилизации в Юго-Восточной Азии, к налаживанию взаимного доверия во всех сферах. Фактически речь шла об установлении «особых отношений» с АСЕАН – инициативе, которую, как уже говорилось, не без основания расценивали как попытку превратить регион в японский «хинтерланд».

Все последующие японские кабинеты продолжали культивировать особые отношения с АСЕАН, в первую очередь, посредством экономического сотрудничества. На десятилетия вперед финансовые вливания и «техническая помощь» превратились в главный инструмент достижения японских целей в развивающихся странах, в особенности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом ОНР в этом

случае одновременно выполняли двойственную задачу: как «волшебная палочка» для поддержания благоприятного политического климата, и как поддержка стартового капитала для японских бизнесменов. Важным следствием «Манильской доктрины» стали так называемых пост-министерские конференции, проводящиеся непосредственно вслед за саммитами глав АСЕАН, на которые приглашаются лидеры развитых стран – Японии, Австралии и Новой Зеландии. Благодаря этим конференциям Япония стала регулярным партнером по политическому диалогу с АСЕАН – в добавление к своему экономическому доминированию в регионе.

Японская дипломатия «чековой книжки», растущие частные инвестиции, массовый приток японских туристов в страны АТР в 1970–1990-х гг. привели к тому, что обслуживающий персонал многих отелей, ресторанов и универмагов овладел основами японского разговорного языка. В Азии слово «импортное» стало означать в первую очередь «японское». Наибольшее беспокойство японское продвижение вызывало в США. По всей Америке японские бизнесмены скупали недвижимость, включая символически значимые объекты (Рокфеллер-плаза в Нью-Йорке, кинокомпанию «Юниверсал Студиоз», половину отелей на Гавайях). На фоне американской стагфляции и международных неудач метеорический взлет Японии явился сильным ударом по самооценке США, которые привыкли к тому, что ведут бизнес лучше, чем другие. Известный американский исследователь Эзра Фогель в своем бестселлере «Japan as Number One» отразил реальные страхи американских элит по поводу того, что мир стремительно «японизируется» (*Rach Nipponica*). В Конгрессе США всерьез заявляли, что Америка «быстро становится колонией Японии».

С 1970-х гг. в Японии в этой связи серьезно опасались возникновения протекционистских блоков в Северной Америке и в Европе,

которые будут проводить дискриминационную торговую политику, угрожая японским интересам. Напуганная такой вероятностью Япония мечтала о создании транстихоокеанской организации, которая бы смогла защитить ее доминирующие позиции.

В конце 1970-х гг. премьер-министр Охир Масаёси инициировал подготовку национальной доктрины на период до конца XX в. Результатом работы стало появление лозунга «всеобъемлющей безопасности» и концепции «тихоокеанского сообщества». Особый вклад в выработку такой концепции внес выдающийся японский ученый Окита Сабуро, министр иностранных дел при кабинете Охиры. Первой пробой концепции на практике явилась совместная инициатива Охиры и австралийского премьер-министра М. Фрейзера (1980 г.) по созданию Совета тихоокеанского экономического сотрудничества (СТЭС, англоязычная аббревиатура – PECC). Оба лидера призвали к формированию регионального (пока еще не правительственного) органа из авторитетных представителей бизнеса, ученых и чиновников (в личном качестве), который бы вырабатывал рекомендации для стран АТР. Такой орган был учрежден и послужил как бы трамплином для правительственной организации – АТЭС.

С 1982 по 1987 г. премьер-министром Японии был Накасонэ Ясухиро. Он считал необходимым бороться с распространенной в США репутацией Японии как спойлера в экономике и «нахлебника» в военной сфере. Накасонэ старался демонстрировать геополитическую значимость и пользу своей страны как партнера США. В частности, в середине 1980-х гг., когда в США заволновались о росте советского военно-морского присутствия в островных государствах Южной Океании, Япония по просьбе президента Рейгана быстро превратилась в главного провайдера экономической помощи этим островным территориям. Стремясь повысить военный потенциал

«сил самообороны». Накасонэ призывал японское население покончить с «привычкой уваливать от международной ответственности и со страусиным пацифизмом». Ему принадлежит известное изречение: «Япония является непотопляемым авианосцем США напротив рейда Владивостока». Однако в 1980-е гг., да и в следующее десятилетие переломить доминирующий в стране пацифистский настрой не удалось. Пацифизм казался обществу и большому бизнесу вполне удачной основой внешней политики, поскольку позволял вести обширную экономическую экспансию, не отвлекаясь на не имеющие прямого отношения к Японии конфликты между другими странами.

При Накасонэ Япония пыталась также каким-то образом уладить торгово-экономические противоречия с США и Западом вообще. Неумный рост ее экспорта заставлял торговых партнеров требовать изменений в японском коммерческом поведении. Проблемы активного сальдо торгового баланса Японии с США, которые начались еще с конца 1960-х гг., вносили сильный дискомфорт и в политические отношения. Наиболее известной попыткой справиться с громадным перекосом в торговле с Западом явилось так называемое Плазское соглашение (по названию здания Рокфеллер-плаза в Нью-Йорке) 1985 г., результатом которого стала крутая ревальвация иены (с 360 иен за доллар в 1985 г. до 130 иен тремя годами позже). Предполагалось, что рост японского экспорта в США будет затруднен, а американские товары, наоборот, окажутся более конкурентоспособными на японском рынке. Вопреки ожиданиям, ревальвация иены слабо способствовала сокращению американского торгового дефицита, американское недовольство японской «нечестной» торговой практикой не утихало, и к концу 1980-х гг. приобрело угрожающий характер.

Зато Плазское соглашение сделало более дешевым для Японии оказание помощи развивающимся странам. С 1989 г. страна на 12 лет

вперед (до 2001 г.) стала ведущим донором ОПР среди всех членов ОЭСР, поддерживая свой репутационный образ в развивающихся странах. Впрочем, японская помощь долгое время носила в значительной мере коммерческий характер и критиковалась за то, что она больше служит интересам японских компаний (основной акцент делался на инфраструктуру для их нужд), чем населению и прогрессу стран-реципиентов.

Ревальвация иены послужила также решающим стимулом для прямых частных инвестиций за рубежом. Для того чтобы поддержать свою конкурентоспособность, все больше число частных компаний шло по пути передислокации своих производственных и сбытовых мощностей в новые индустриальные экономики – Республику Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур («азиатские тигры»), а также в дружественные стран ЮВА («азиатские драконы»). В результате Япония вышла на второе место в мире как совокупный инвестор. По мнению серьезных исследователей, японские универсальные торговые компании (в паре с этническими китайцами «хуацяо») способствовали де-факто интеграции азиатских экономик под своей эгидой. Результатом инвестиционной экспансии стал сложный треугольник в бассейне АТР: Япония (капитал и технологии), восточноазиатские страны (природные ресурсы и рабочая сила) и США (рынок сбыта). Товары с маркой японских фирм теперь стали экспортироваться в США, Европу и саму Японию как произведенные в Сингапуре, Малайзии, на Тайване и т. д. В результате, в 1990-е гг. значительные объемы в американском дефиците торгового баланса были перенесены с Японии на другие страны Восточной Азии (включая Китай), и торговые японо-американские противоречия стали менее остры.

В 1970–1980-е гг. Япония, казалось, добилась своего геоэкономического императива и находилась в зените славы и могущества.

Она обеспечила свое лидерство в западной части АТР за счет экспорта товаров и услуг, экономической помощи, коммерческих займов, трансфертов технологии, прямых инвестиций и формирования производственно-сбытовых цепочек. Официальным Токио была реализована стратегия, при которой в Восточной Азии закрепилось региональное разделение труда, мягкая интеграция экономики под слегка замаскированным японским руководством. Это разделение труда в регионе известно под метафорой «стаи летящих гусей». В этой стае роль вожака отводилась Японии, вторым эшелонам выступали четыре «новые индустриальные страны», а замыкали «клин» сырьевые страны АСЕАН. По замыслу правительства японские частные инвестиции, экспорт и ОПР должны быть координированы таким образом, чтобы они составляли «триаду» (санми иттай) в рамках «стаи гусей».

Геополитические ожидания Японии были чрезвычайно высоки. В 1987 г. ее правительством был обнародован Новый план развития азиатской индустрии, направленный на передислокацию японской промышленности в азиатские страны с более низкими издержками, т. е. фактически Япония принимала решение за всю Азию. Премьер-министр Миядзава Киити заявлял, что Япония должна возглавить азиатский экономический блок, включающий Республику Корея и АСЕАН. Предполагалось, что эта зона в начале XXI в. превзойдет по мощи североамериканскую и европейскую экономические зоны, и возьмет на себя критически решающую роль в мире. Схожее предложение о торговом блоке (под неявным японским лидерством) выдвинул также влиятельный премьер-министр Малайзии Мохаммед Махатхир, но вследствие возражений со стороны США оно не было реализовано.

Отдельно следует остановиться на отношениях с Китаем. Эта страна, которая с незапамятных времен до 1945 г. геополитически для

Японии была важнее любой другой, после войны на четверть столетия как бы выпала из японского поля зрения. Между тем, лакомый для японского бизнеса китайский рынок находился буквально напротив. Японскому истеблишменту было ясно, что без значительных компенсационных выплат за былую войну крупномасштабная торговля с Китаем невозможна. Однако маоистские власти отказывались принимать и частные инвестиции, и помощь от капиталистических государств, считая это унижением для социалистической страны. Лишь с приходом к власти в КНР великого реформатора Дэн Сяопина, который перечеркнул былые ограничительные установки, идеологические препятствия для притока финансовых ресурсов из Японии отпали.

После подписания японо-китайского договора о мире и дружбе (1978 г.), среди бизнес-сообщества Японии вспыхнула волна китайской эйфории, начался настоящий «китайский бум». Сам Китай тоже возлагал огромные надежды на японские инвестиции как средство модернизации своей экономики. Ожидалось даже, что может возникнуть экономическая ось Токио – Пекин с лидирующей ролью Японии. Однако, вскоре выяснилось, что крупным проектам в Китае мешают отсталая инфраструктура, невнятное законодательство, бюрократизм и коррупция чиновников. На первых порах частные инвесторы не смогли принести в Китай средства, на которые тот рассчитывал. Чтобы не растерять материальную составляющую двусторонних отношений, заботу о финансировании КНР вынуждено было на себя взять японское правительство в виде ОПР.

В конце 1979 г. премьер-министр Охира в русле так называемой дипломатии подарков (омяги гайко), предложил пекинскому руководству пакет помощи объемом 350 миллиардов иен. Это послужило стартовой площадкой для роста японских частных инве-

стиций в КНР и торговли. Сама же ОПР на три десятилетия вперед стала стержнем межгосударственных связей: сюда ежегодно перетекало свыше 10% всех средств по линии ОПР. Всего до 2008 г. (когда заключение новых соглашений по помощи прекратилось) Китаю было предоставлено в виде «мягких» займов и грантов около 45 миллиардов долларов. Без правительственного финансирования Пекина на протяжении ряда десятилетий Япония не смогла бы добиться своих серьезных позиций в китайской экономике и роста торговли.

Однако, на установление японского влияния в Китае оказанная помощь сильного эффекта не произвела: китайское руководство проявило себя очень «капризным» реципиентом ОПР. Временами по стране организовывались хорошо оркестрованные антияпонские демонстрации и бойкоты, выдвигались обвинения в том, что «Япония за счет экономической ОПР добилась в Китае таких экономических и политических выгод, каких не могла добиться путем военного вторжения». Таким образом, «укрощения» Китая не произошло. Тем не менее, в международном плане японская помощь Китаю сыграла положительную роль для сохранения мира в регионе, в отличие, скажем, от помощи США странам Ближнего и Среднего Востока. Игнорирование американцами реальных нужд ближневосточных наций и упор на военную помощь привел к потоку неудач и трагедий, начиная от исламской революции в Иране (1979 г.) до фундаменталистских движений Аль-Кайда и ИГИЛ (экстремистских организаций, запрещенных в России). Считается, что, напротив, японская дальновидная политика вовлечения Китая посредством ОПР явилась ключевым преимуществом для восточноазиатского региона, предотвратила ряд возможных конфликтов (действительно, после войны с Вьетнамом в 1979 г. КНР не была задействована ни в одном вооруженном кон-

фликте). Таким образом, Япония выполнила объективно важную международную работу.

К концу 1980-х гг., т. е. примерно через десятилетие после создания неправительственного Совета тихоокеанского экономического сотрудничества (РЕСС) в Японии считали, что созрело время для институционализации японского экономического влияния в западной части Тихоокеанского бассейна, для защиты национальных интересов.

Указанный период характеризовался обострением протекционистских тенденций и противоречий между странами рыночной экономики. Из-за неуступчивости Европейского экономического сообщества (ЕЭС) приближался к провалу «уругвайский раунд» переговоров в рамках ГАТТ (предшественник ВТО). Международные обозреватели все более утверждались в мысли о том, что мир расколется на враждующие замкнутые группировки, такие как «крепость Европа» с центром в Германии и североамериканский блок вокруг США (будущая НАФТА). Призрак надвигающегося протекционизма представлял собой крайнюю угрозу для экономической экспансии Японии, поэтому ей требовался «свой» экономический блок в АТР, по крайней мере, в его западной части.

Основным двигателем создания новой межправительственной организации выступали японские Министерство экономики, внешней торговли и промышленности и Министерство финансов, которые постоянно напоминали, о том, что Япония на фоне других стран особенно уязвима к воздействию внешних геополитических рычагов. Однако хотя Япония в реальности была вдохновителем и координатором тихоокеанского регионализма, по стратегическим соображениям она предпочла вариант «лидерства из-за спины».

Важным препятствием для инициации нового объединения являлись опасения стран АСЕАН относительно того, что крупные державы, будь то США, или Япония, или обе вместе, волей-неволей будут доминировать в любом региональном объединении, а они – страны ЮВА – окажутся в подчиненном положении. С другой стороны, было очевидно, что без Японии (и США) серьезный экономический союз по тихоокеанскому периметру просто не может состояться. Нужен был какой-то посредник, который бы нейтрализовал подозрения АСЕАН в японском неокOLONIALИЗМЕ. Роль такого посредника взяла на себя Австралия, хотя и высокоразвитая, но не особенно крупная страна, которая также опасалась за свое будущее вследствие возможного взрыва протекционизма в мире. В 1989 г. премьер-министр Австралии Боб Хок выступил с инициативой межправительственного форума под названием Азиатско-тихоокеанский экономический совет (АТЭС, англоязычная аббревиатура – АРЕС). Следует отметить, что в первоначальном предложении Хока говорилось об интеграционном объединении стран только по западную сторону Тихоокеанского бассейна, т. е. без США и Канады, что подчеркивало его предназначение как противовеса НАФТА. Впрочем, вскоре США проявили явный интерес к группировке, и Япония не стала сопротивляться своему военно-политическому патрону. В 1989 г. в Канберре прошла первая конференция АТЭС, в которой приняли участие министры шести стран-членов АСЕАН, а также Япония, Республика Корея, США, Новая Зеландия, Австралия и Канада. (С 1993 г. эти министерские конференции превратились в ежегодные саммиты, проводимые поочередно в развитых и развивающихся странах.)

В 1989 г. умер император Хирохито (Сёва), и на престол вступил император Акихито, не связанный с прошлой войной. Вскоре за

этим последовали международные и внутрияпонские события, оказавшие заметное влияние на геополитическое поведение Японии: распад Советского Союза, конец холодной войны, крах экономики «мыльного пузыря» и т. д. До этих событий, пока в экономике все оставалось гладко, особых возражений против подчинения американским геополитическим целям в Японии не возникало; страна была согласна на второстепенную роль в мировой политике. Однако, для новой международной ситуации «доктрина Ёсиды» оказалась не вполне подходящей. Японская чисто меркантилистская стратегия стала постепенно сдавать позиции. Япония вступила в новый этап геополитики и международных отношений, который можно определить как «постбиполярный период»

После распада социалистической системы, геостратегическая ситуация вокруг Японии усложнилась. Хотя партнерство с США оставалось генеральным для японского руководства, двусторонний политический союз подвергся серьезной проверке на прочность. Противоречия проявились, в частности, во время «войны в Заливе» (1991 г.). В это время Япония, по поставкам нефти зависевшая от стран Персидского залива на 70%, предпочла не вмешиваться в войну, считая ее сугубо американским предприятием (и имея на то конституционные основания). Хотя японское правительство, и выделило внушительную сумму (13 миллиардов долларов) в качестве помощи коалиции против саддамовского Ирака, «скромная» японская поддержка разочаровала США. Японию здесь вновь стали обвинять в нахлебничестве, а Палата представителей Конгресса пригрозила выводить по 5000 военнослужащих из Японии ежегодно, ставя под угрозу ее геополитические интересы и безопасность.

Одновременно с распадом Советского Союза покатила вниз экономика Японии. В связи с исчезновением «советской угрозы» у

США оставалось меньше резона проявлять преференциальное отношение к Японии, выступавшей к тому же альтернативой доминированию США в АТР. В определенной степени японо-американский альянс терял свое предназначение. США стали все настойчивей требовать от Японии большего доступа к ее финансовому и потребительскому рынку, а также проведения новой ревальвации иены. Тогда же в Японии произошел массовый обвал фондового рынка и рынка недвижимости (крах экономики «мыльного пузыря»), которые повлек за собой финансовый кризис и перемежающую рецессию на долгие годы. Для спасения всей финансовой системы страны от коллапса был раздут дефицит бюджета, а внутренний государственный долг возрос до рекордного в мире уровня. Между тем, по оценке американских политологов, в этот период Япония была брошена Соединенными Штатами на произвол судьбы. Лишь в 2003 г. страна более или менее вышла из состояния спада, в который вступила в начале 1990-х гг.

Почти сразу после исчезновения «советской угрозы» заметно снизился уровень враждебности, который долгие годы существовал в отношениях между Токио и Москвой. Едва ли не единственной, но очень острой проблемой стал вопрос о «северных территориях» (Курильские острова). Многочисленные кабинеты в Токио, один за другим предпринимали попытки решить его в свою пользу. Большие надежды (еще в конце советской эпохи) возлагались на первый в истории визит в Японию советского лидера – поездку М.С. Горбачева в 1991 г. С точки зрения Токио этот визит был неудачным. Взамен подтверждения декларации Хрущева – Хатоямы (1956 г.) о возврате Шикотана и Хабомаи, советский лидер согласился признать только лишь наличие проблемы «с учетом интересов обеих сторон». В дальнейшем переговоры по территориальному вопросу Японии

пришлось вести уже с руководством Российской Федерации. Учитывая экономическую слабость России в начале 1990-х гг., в Японии надеялись, что ее новое руководство займет более податливую позицию, чем лидеры прежнего Советского Союза. Японское давление в этом вопросе оказалось столь сильным, что президент Б.Н. Ельцин в 1992 г. отказался от запланированной поездки в Японию накануне ее начала, едва не вызвав международный скандал.

Тема возврата Курильских островов Японии снова заняла центральное место в 1997 г. при переговорах Ельцина и японского лидера Хасимото Рютаро в Красноярске. Встреча в Сибири обернулась оттепелью в двусторонних отношениях. Оба деятеля пообещали друг другу приложить максимум усилий для заключения мирного договора к 2000 г., хотя механизм обоюдных уступок оставался неясным. Обе стороны поддержали взаимные международные претензии: Россия выступила за включение Японии в состав Совета безопасности ООН, а Япония – за прием своего партнера в АТЭС (вскоре Россия стала членом этой организации). Однако, скорый уход Хасимото из жизни, а Ельцина с политической сцены оставил нерешенную проблему мирного договора их преемникам. Из-за территориального спора и ряда экономических соображений японский большой бизнес на данном этапе не проявлял рвения к инвестициям в сырьевые проекты востока России, несмотря на российские попытки привлечь их выгодами сотрудничества. К концу 1990-х гг. японские прямые инвестиции в Россию практически прекратились, и геоэкономически Япония и Россия так и не стали друг для друга важными игроками. Уровень их хозяйственных связей никоим образом не соответствовал потенциалу обеих стран и их выгодному географическому соседству.

До конца 1980-х гг. геополитические шаги Японии (даже ее роль стимулятора АТЭС) сводились, как правило, к геоэкономике.

Лишь после окончания холодной войны (1991 г.) страна стала постепенно (и не слишком явно) проявлять определенные политические амбиции в Тихоокеанском регионе. В частности, ее правительство способствовало созданию межправительственного Асеановского регионального форума (АРФ). После исчезновения «советской угрозы» в руководящих кругах Японии пришли к выводу о том, что у соседнего Китая появилась растущие стратегические и военные возможности, которые следовало как-то контролировать. Японский МИД предложил учредить АРФ как дополнение к ежегодным «пост-министерским встречам АСЕАН» для обсуждения проблем региональной безопасности. Идея была одобрена странами АСЕАН, а позже и Соединенными Штатами. Реально форум заработал с 1994 г. с официальной целью «развивать предсказуемую и конструктивную модель отношений в АТР». Ключевым направлением деятельности АРФ было вовлечение Китая в эту организацию во избежание нежелательных «сюрпризов» с его стороны. Помимо Китая к работе в рамках АРФ была приглашена и Россия. Создание форума явилось дебютом Японии в рамках «превентивной дипломатии» и одним из немногих реально геополитических шагов.

В 1990-х гг. проактивная дипломатия Токио проявилась также в требовании предоставить Японии место постоянного члена Совета безопасности ООН, которое она заслужила щедрым финансированием бюджета ООН, предоставляя в некоторые годы до четверти всех взносов в эту организацию. Страну в ее требовании поддерживают США, Франция, Великобритания, а также Россия (заявление президента Ельцина в 1997 г.), однако из-за возражений Китая вопрос повис в воздухе. В последние годы Япония добивается места в Совете безопасности ООН в составе квартета наций (вместе с Германией, Индией и Бразилией).

В связи с изменениями в международной обстановке в 1992 г. в Японии был принят закон о миротворческих операциях, благодаря которому правительство страны впервые после Второй мировой войны получило право посылать «силы самообороны» в конфликтные зоны земного шара, правда, исключительно для невоенных действий. В основном посылка японских военных производилась в рамках миротворческих операций ООН (Камбоджа, Восточный Тимор, Сомали, Мозамбик и некоторые другие страны, в частности, в Южный Судан в XXI в.), но в ряде случаев непосредственно по просьбе США в качестве «геополитической пролонгации американской мощи» (выражение З. Бжезинского), например, в Ирак.

Конечно, невзирая на предыдущие разногласия, японо-американский союз в 1990-е гг. оставался основой японской внешней политики. Вопреки предсказаниям обозревателей о том, что, с приходом к власти Б. Клинтона (1992 г.) отношения могут ухудшиться до опасного порога, американская администрация постаралась этого не допустить. Разрядке в трениях между Токио и Вашингтоном способствовали рецессия в Японии и одновременный подъем в американской экономике. Япония переставала быть для США главным раздражителем в мировой торговле по мере того, как рос американский дефицит в их внешнеторговых операциях с новыми индустриальными странами и Китаем. В результате японцы стали менее самонадеянны, а США менее обеспокоены японской конкуренцией.

В 1997 г. странам удалось подписать документ «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны», согласно которому японские силы самообороны брали на себя коллективную с США ответственность не только за отражение агрессии против Японии, но и за действия в морских акваториях Восточной Азии к северу от Филиппин и вокруг Кореи. Документ вызвал него-

дование со стороны Китая, поскольку в «зону ответственности» был включен и Тайвань, который в Пекине считают «отколовшейся», но своей провинцией. Тем не менее, в целом при президентстве Б. Клинтона США и Японии не удалось выработать единую и солидарную политику. В средствах массовой информации красной нитью проходила мысль о том, что США просто игнорируют своего союзника. Следующий президент Дж. У. Буш (младший) пообещал возродить дух сотрудничества, и при нем отношения явно улучшились.

В 1990-е гг. трудно вывести равнодействующую в японских отношениях с другим важнейшим стратегическим партнером – Китаем. Их торгово-экономические связи неуклонно росли, причем с середины десятилетия длительный японский актив торгового баланса сменился столь же постоянным дефицитом. Китай неизменно оставался главным реципиентом японской ОПР, но межгосударственные отношения изменялись волнами, с сильными приливами и отливами. Япония не разделила энтузиазм западных стран, когда те ввели санкции против властей КНР за подавление демократически настроенных студентов на площади Тяньаньмынь в 1989 г., и уже через год после событий возобновила помощь Китаю. В 1992 г. император Акихито впервые за многовековую историю посетил Пекин и другие китайские города. Середину 1990-х гг. обе страны расценили как самый дружественный период в их совместной истории. Из-за нежелания «оставлять шрамы» в двусторонних отношениях даже ядерные испытания, проведенные в Китае в это время, вызвали лишь незначительные санкции в виде кратковременного прекращения грантов по линии ОПР. Однако, более глубокие проблемы, разделяющие Китай и Японию как геополитических конкурентов в Азии и на Тихом океане, никуда не исчезли. В Японии опасались китайской военной модернизации и возможной войны КНР против Тайваня. Китайские руко-

водители, невзирая на японскую помощь, все сильнее требовали от Японии искренних извинений за жестокости ее армии во время войны и, в свою очередь, обвиняли Японию в возрождении милитаризма. К концу века отношения между Пекином и Токио были далеки от духа договора о мире и дружбе 1976 г.

7

ЯПОНИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ: ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА В XXI В.

К началу XXI в. переплетение геополитических и геоэкономических мотивов в японской внешней политике усилилось. В 1997–1999 гг. Япония предстала перед поистине крупным международным вызовом, когда пришла на выручку сразу нескольким тихоокеанским странам, оказавшимся жертвами Азиатского финансового кризиса (Индонезия, Малайзия, Таиланд, а также Республика Корея). В общей сложности пострадавшим государствам из Японии (которая сама находилась в рецессии) за два года было перекачано около 75 миллиардов долларов, из которых 30 миллиардов долларов составила правительственная помощь с исключительно низким годовым процентом (в среднем 0,95%). Экстраординарная помощь явилась вынужденным решением и была продиктована собственными интересами Токио, поскольку крах жизненно важных для нее стран Тихоокеанской Азии грозил полномасштабным кризисом и для самой Японии. Примечательно, что в программу преодоления кредитного «кранча» в азиатских странах (так называемый план Миядзавы) были

включены трансферты новой технологии, которая бы позволила странам АСЕАН модернизировать своею промышленность, чтобы она могла конкурировать по технологическому уровню с Китаем.

Реактивное поведение Японии во время азиатского кризиса еще раз продемонстрировало ее «особые отношения» с АСЕАН. Однако за все 1990-е гг. у Японии не появилось внятной глобальной геополитической доктрины и перспективы на будущее. Столпами внешней политики по традиции числились японо-американские отношения, укрепление связей с АТР и участие в решении глобальных проблем. При частых сменах кабинетов каждый из новых японских лидеров обычно провозглашал те или другие внешнеполитические инициативы, которые, однако, носили дежурный характер и с течением времени уходили в тень. По-видимому, при успешной экономической экспансии особой необходимости в выработке геополитической стратегии в Японии не возникало.

Вместе с тем, нельзя игнорировать огромный вклад, который Япония внесла в складывающийся азиатско-тихоокеанский регионализм. Именно благодаря Японии объем внутрирегиональной торговли в восточной части Тихоокеанского бассейна превзошел торговлю с Северной Америкой (хотя на нынешнем этапе центральное место в этом товарообороте занимает уже не Япония, а Китай). Японское «экономическое чудо» (1950–1980-е гг.), ее структурная экономическая трансформация, передовая технология послужили моделью для экономического чуда «азиатских тигров» (Республика Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур), а вслед за этим – и это может быть самое главное – также экономической трансформации КНР. Практически и сейчас Япония – единственная страна в западной части Тихоокеанского бассейна, которую можно назвать зрелой и комплексно разви-

той – в промышленном, коммерческом, интеллектуальном и социальном отношении.

Однако к началу XXI в. испытанный механизм восточноазиатской модели развития стал устаревать. Притягательность японского опыта для окружающих ее государств заметно поблекла. За два «потерянных десятилетия» по производительности труда Японию обогнали многие государства в Европе, Северной Америке и в Азии. В 2001 г. страна перестала быть ведущим донором правительственной помощи развивающемуся миру, а впоследствии по этому показателю откатилась на непрестижное пятое место (по нетто-помощи). Главным торговым партнером почти всех стран АТР вместо Японии стал Китай.

Совершенно иной, чем ранее, смысл приобрело слово «японизация» – вместо насаждения японских порядков за рубежом оно стало обозначать вредоносную смесь мизерного экономического роста, сверхвысокого государственного долга, хронической дефляции, спада производительности труда, коррупционных скандалов в эшелонах власти, помноженных на самые мрачные демографические перспективы. Известный японский ученый Ямадзава Иппэй образно писал: «Раньше Япония выступала в качестве лидера «гусиной стаи» в развитии Азии. Она оказывала им помощь, как отец заботится о своих сыновьях. Сейчас сыновья выросли, а отец достиг пожилого возраста. У Японии все еще есть деньги и передовые технологии, но она потеряла энергию для нового роста и ей не хватает смелости для радикальных реформ. Ей следует взять на вооружение динамизм своих соседей».

Эрозия экономического влияния поставила на повестку вопрос о будущем страны, в котором геополитика будет играть более существенную роль. Международные дебаты вращаются вокруг несколь-

ких базовых вопросов. Во-первых, станет ли в перспективе Япония «нормальной» нацией (т. е. нацией с нормальной регулярной армией) или останется «глобальной гражданской державой»? Во-вторых, будут ли «силы самообороны» непосредственно передаваться в распоряжение миротворческих сил ООН? В-третьих, будет ли страна глубже вовлекаться в глобальную политику или сосредоточится в основном на «своем» регионе Восточной Азии и Океании? В-четвертых, может ли Япония полностью нормализовать отношения с ближайшими соседями (особенно Республикой Корея и Китаем) и сделать так, чтобы они простили ее за Тихоокеанскую войну, как это сумела сделать Германия в Европе? В-пятых, к какому из двух полюсов – Китаю или США – будет Япония тяготеть в перспективе или изберет какой-то третий путь?

Как и прежде, в XXI в. каждый из премьер-министров Японии считал должным декларировать верность союзу с США, как краеугольному камню политики своей страны. Правительство Коидзуми морально поддержало США после террористического акта в 2001 г. и в войне против талибов в Афганистане и – что более важно – в войне против сил Саддама Хусейна в Ираке в 2003 г. В последнем случае японское руководство решилось даже на посылку сил самообороны в южный Ирак (для невоенных целей). В ситуации, когда Германия, Франция и Россия старались не допустить американского вторжения в Ирак, японская поддержка оказалась для Дж. У. Буша поистине драгоценной, но не смогла предотвратить противоречий в дальнейшем.

Геополитические разногласия между Японией и США вновь вышли на поверхность и сфокусировались на ситуации вокруг Окинавы, где размещено около 70% американских военных баз в Японии. Власти и большинство населения этой префектуры стара-

ются избавиться от этого наследия оккупации. Их нервируют ежедневные полеты американских летательных аппаратов, и они желают перераспределения американской военной нагрузки на другие префектуры.

В 2006 г. была достигнута договоренность о переносе части военной группировки на американский остров Гуам, а авиабазы Фунтэмма в другую часть острова (население которой, правда, тоже возражает против американского присутствия). Демократическая партия Японии, которая правила страной в 2009–2012 гг., в своем предвыборном манифесте пообещала добиться полного вывода американских войск с Окинавы, но не смогла этого сделать. В то же время ее настойчивость дала повод администрации президента Обамы обвинить Японию в предательстве интересов союзника. После возвращения либерал-демократов во власть, правительство Абэ путем сильнейшего нажима на руководство префектуры добилось его согласия на договоренность 2006 г. Однако, новый губернатор Окинавы в 2015 г. отказался выполнять условия соглашения, поэтому будущее американских вооруженных сил на острове не вполне ясно. В дальнейшем положение еще более усложнилось, когда новый президент США Д. Трамп потребовал от Японии увеличить финансовое бремя на содержание американских военных баз.

За послевоенные десятилетия (за исключением, возможно, лишь войны в Корее в 1950-х гг.) Япония, так или иначе, смогла дистанцироваться от угроз геополитического риска. Однако, судя по всему, это спокойное время движется к концу. Пацифистская «доктрина Ёсиды», вполне устраивающая Японию в период холодной войны и экономических успехов, оказалась менее подходящей к новым вызовам, в особенности с начала 2000-х гг. Ситуация, при которой богатая, экономически мощная держава не имеет рычагов влия-

ния даже в своем регионе (кроме ОНР) и политически ограничена зависимостью от США, стала казаться все более парадоксальной. Японская пресса отмечала, что за десятилетия спокойного существования японская дипломатия растеряла свое геополитическое мастерство и что его необходимо восстановить. В стране ощутимо стали раздаваться призывы к более самостоятельной политике, к отказу от самоограничений в военной сфере, к превращению Японии в «нормальную страну» с вооруженными силами, которые бы отражали ее огромный экономический потенциал. В Японии все чаще вспоминают, что «мирная» Конституция с ее знаменитой статьей 9 фактически написана не японцами, а в штабе оккупационных войск, и что ее следует переписать заново или, в крайнем случае, «реинтерпретировать». В эшелонах власти крепнут призывы усилить патриотическое образование в школьных программах, повысить статус императора и даже пересмотреть японо-американский договор безопасности, который, по мнению правых, мешает проводить Японии независимую политику.

В целом в стране наблюдается заметная тенденция к сдвигу внутренней и внешней политики вправо, в сторону национализма. В 2013 г. принят репрессивный Закон об охране государственной тайны. Новая «Хартия экономического сотрудничества» (2015 г.) впервые предусматривает поставки вооружения (правда, нелетального) и услуг в рамках помощи развивающимся странам (ОНР). По всей вероятности, страна в первый раз за послевоенное время получит возможность экспортировать оружие за границу, причем не только в рамках помощи, но и в рамках обычной торговли.

Постепенный рост националистических настроений ведет к некоторым изоляционистским последствиям. Раньше, из японского политического лексикона годами не сходил термин «кокусайка» (ин-

тернационализация), под которым подразумевалось все большее и большее вхождение Японии в международную политику, а японских корпораций в мировую экономику. В настоящее время любой следящий за японской печатью отмечает, что это слово стало употребляться значительно реже. Складывается впечатление, что японская нация как будто теряет интерес к тому, что происходит за рубежом. У японцев также не развилось чувство общности с другими тихоокеанскими народами. (Если в Европе и португалец, и поляк могут про себя сказать, что они европейцы, средний представитель японской нации не видит себя азиатом или, тем более, «тихоокеанцем».)

Не случайно, в современных японских и зарубежных СМИ появилось понятие «галапагосский синдром», которое в XXI в. стало антиподом интернационализации. Термин обозначает изолированное от мировых тенденций развитие какой-либо сферы экономики или какого-либо глобально значимого продукта. (Сам термин появился по аналогии с феноменом, который в XIX в. Ч. Дарвин наблюдал на Галапагосских островах, где в результате изолированности от внешнего мира развилась особая, своеобразная фауна и флора.) Вначале он применялся для обозначения зарубежных неудач японских производителей мобильных устройств, которые заполнили японский внутренний рынок, но оказались непопулярными на экспортных рынках вследствие своей особой японской специфики. Потом употребление термина «галапагоссизация» расширилось на другие японские продукты, а впоследствии и на всю страну, которая идет «слишком своим путем» в сторону от мирового мейнстрима. В конечном итоге, к «галапагоссизации» стали относить растущее нежелание японцев изучать английский язык, ехать работать и учиться за границу, принимать рабочих из-за рубежа, вообще контактировать с остальным миром.

Во внутренней политике страны растет влияние «государственного синтоизма». В свое время эта мирная и мягкая религия была доведена до абсурда и стала одним из основных орудий для развязывания войны на Тихом океане. Сейчас в Синтоистскую ассоциацию духовного лидерства или в ее ответвления входят почти все члены кабинета министров, а генеральным секретарем является премьер-министр страны. Влиятельные адепты этой ассоциации говорят, что военные преступники «класса А», возможно, совершали ошибки, но в конечном итоге они защищали императора, а значит, и весь народ. Растущее влияние государственного синтоизма вносит значительный вклад в движение страны в правом, националистическом направлении.

Японо-южнокорейские и японо-китайские отношения в настоящее время нельзя назвать добрососедским, как на уровне официальных связей, так на бытовом уровне. Жертвы японской агрессии помнят колониальную экспансию и Тихоокеанскую войну: для многих их жителей война была как будто только вчера. Соседи Японии считают, что она до сих пор не подвела черту под своим имперским прошлым, не признала ошибки, не раскаялась в преступлениях военных лет. Исключительно болезненно за рубежом, особенно в Китае и Республике Корея, реагируют на посещения японскими лидерами синтоистского святилища Ясукуни Дзиндзя в Токио, где, в частности, среди массы душ других военных покоятся души 14 казненных военных преступников «класса А». Храм Ясукуни в мире эмоционально ассоциируется с правыми японскими националистами, а соседи Японии считают, что посещения премьер-министрами и другими высокопоставленными деятелями святилища демонстрируют нежелание Японии осудить свое милитаристское прошлое. И Пекин, и Сеул неоднократно отменяли встречи на высоком уровне в знак про-

теста против таких визитов. Отмена встреч бьет рикошетом и лишь усиливает негативное восприятие Китая и Республики Корея в японском обществе. Не только в Азии, но и на Западе японским лидерам дают понять, что продолжение визитов в святилище контпродуктивно с точки зрения ситуации в Северо-Восточной Азии и рекомендуют воздержаться от них официальным лицам, когда они находятся у власти. Для преодоления порочного круга исторической вражды требуются усилия всех сторон.

Подозрения соседних стран в японских внешнеполитических намерениях усугубляются еще и нередкими провокационными заявлениями геополитического характера со стороны высокопоставленных японских деятелей. Так в 2008 г. начальник штаба военно-воздушных сил самообороны генерал Тамогами Тосио публично отрицал то, что Япония вела агрессию против азиатских стран и даже утверждал, что многие из них «позитивно относятся к войне на Тихом океане». Позднее министр образования Симомура Хакубун заявил, что следовало бы аннулировать решения Международного военного трибунала для Дальнего Востока (1946–1948 гг.) и реабилитировать таких военных преступников как Тодзэ Хидэки. Он же призвал отказаться от извинений, которые принес жертвам японской агрессии премьер-социалист Мураяма Томиити в 1995 г. Между тем, именно слова Мураямы помогли укрепить международную веру в миролюбие Японии. Японские СМИ пишут, что ревизионистские выступления последнего времени вредят шансам на сотрудничество трех ведущих дальневосточных держав перед лицом провокаций со стороны КНДР. Японии, отмечают они, в нынешний момент нужны друзья, а не противники, особенно среди соседей.

Для тенденции к большей международной самостоятельности имеется ряд объективных оснований.

Прежде всего, следует отметить «омоложение» власти. В руководстве более не осталось представителей когорты политиков, лично помнящих Вторую мировую войну. Нынешнее положение Японии как геополитического придатка американской мощи все менее приемлемо для новых поколений простых японцев, которых не травмирует опыт бесконечно далекой от них Тихоокеанской войны и которые не понимают, почему они должны за нее отвечать и платить не-самостоятельностью.

Во-вторых, внушают опасения экономический вызов со стороны соседнего Китая и участвовавшие локальные конфликты с ним. Ни тридцатилетняя многомиллиардная помощь Китаю (общая стоимость 45 миллиардов долларов), ни тот факт, что обе страны являются друг для друга главными торговыми партнерами, не сделал их отношения здоровыми. С 2010 г. вновь на повестку дня встал территориальный спор Японии с Китаем вокруг островов Сэнкаку, которые объявлены Пекином украденными у него Японией; в особенности этот конфликт обострился после объявления Пекином расширенной зоны идентификации ПВО в Южно-Китайском море. (Некоторые горячие головы в Китае заявляют, что и Окинава должна принадлежать Китаю.) Ухудшению двусторонних отношений способствовал также отказ Китая в продаже Японии жизненно важных для ее экономики редкоземельных металлов. По опросу японского кабинета министров (март 2016 г.) число респондентов, которые «не имеют позитивных чувств к Китаю» достигло рекордной величины – 83,2%.

В-третьих, с начала XXI в. новой головной болью для Японии стало безответственное поведение КНДР, которая отказывается вернуть назад похищенных ею японских граждан. После раскрытия своей ракетно-ядерной программы КНДР в 2002 г. производила запуски военных ракет через территорию Японии, срывала шестисто-

ронные переговоры в Пекине и угрожала Японии ядерным уничтожением. С японской точки зрения, неадекватное поведение КНДР представляет серьезную и непредсказуемую угрозу для безопасности Японии.

В то же время далеки от добрососедства и двусторонние отношения с Республикой Корея – с весны 2012 г. до конца 2015 г. отсутствовали контакты с Республикой Корея на высшем уровне; не продвинулись двусторонние переговоры по поводу соглашения о свободной торговле, не утихает конфликт вокруг корейских «женщин для комфорта», насильно использованных для «расслабления» японских военных во время Тихоокеанской войны, не теряют остроты требования к Республике Корея вернуть Японии острова Такэсима (Докто) возле префектуры Симанэ.

Японское общество неоднородно в своем отношении к дислоцированным на территории архипелага военным базам США. Наряду с движением против этих баз (в первую очередь на Окинаве, где расположено около 70 процентов американских военных баз) немало людей в Японии считает, что если США уйдут с Японских островов, нет никаких гарантий, что они придут стране на помощь в случае конфликтов в будущем. Средневзвешенное отношение японцев можно определить так: они понимают важность американского военного присутствия, но желали бы, чтобы базы располагались не на территории их префектур. Стремительный взлет Китая и неясность относительно американской поддержки в будущем ведут руководство Японии к попыткам ослабить зависимость от США в международных политических вопросах и расширить диапазон деятельности своих военных. Кабинет Абэ, сильнее, чем предыдущие администрации, фокусируется на геополитических заботах, посвящает большие усилия вопросам безопасности, в особенности тому, что до не-

давнего времени скромно именовалось «реинтерпретацией» пацифистской конституции – для того, чтобы иметь право защищать Японию и ее союзников за рубежом.

Шаги руководства страны в военно-стратегической области вызывают определенную настороженность. Пока что Силы самообороны не обладают ни баллистическими ракетами, ни ядерным оружием, а формирование морской пехоты и десантных подразделений находится в зачаточном состоянии. Однако, знаковым событием явилось поднятие в 2007 г. статуса Управления силами самообороны до полноценного Министерства обороны. В 2011 г. у Японии появилась первая военно-морская база в Джибути (на Африканском роге), официально предназначенная для борьбы с пиратством и эскортирования торговых судов в Аденском заливе и в Красном море. Как отмечалось выше, японские сухопутные силы самообороны уже размещались в качестве миротворческих сил ООН на Голанских высотах, в Мозамбике, в Камбодже и южном Судане, а также по просьбе США в Ираке. Вероятно, более всего японцы обеспокоены уязвимостью морских путей снабжения ее сырьем и топливом, поскольку большая часть их импорта проходит через «бутылочное горло» узкого Малаккского пролива (частично через индонезийские проливы Зонд и Ломбок) и поэтому легко может быть подвергнуто иностранному вмешательству вплоть до запрета на проход судов. С целью укрепления безопасности этих линий снабжения Япония в первую очередь заботится о том, чтобы модернизировать свои морские Силы самообороны и расширить их роль.

После победы ЛДП на выборах 2012 г. правительством Японии была обнародована программа качественного перевооружения «сил самообороны» и пущена в оборот идея преобразования их в «нормальные» вооруженные силы (сейчас их численность составляет

248 тысяч человек). По состоянию на 2014 г. Япония имела 8-й в мире военный бюджет, равный 58 миллиардам долларов (для сравнения оборонные бюджеты Китая, Великобритании и Франции соответственно составляли 106, 74 и 44 миллиардов долларов).

В 2014 г. премьер Абэ заявил, что страна желает преодолеть пассивность, свойственную ей после окончания войны, и взять на себя больше ответственности за безопасность в регионе. Он сказал, что Япония хочет играть в нем ключевую роль и предложил поддержку соседним государствам в виде «нелетальной» военной помощи. Кэйданрэн (Федерация экономических организаций) призвала правительство отказаться от запрета на экспорт вооружений, чтобы страна могла участвовать в многонациональных военных проектах. Ревизионистские выступления руководящих лиц, повышенный интерес к государственному синтоизму (который послужил идеологической основой для развязывания Тихоокеанской войны), похоже, являются звеньями одной и той же цепи. Неизвестно еще, к чему приведет высказанное президентом Д. Трампом предложение о том, чтобы Япония (как и Республика Корея) обзавелась собственным ядерным оружием.

После предложения американского президента С. Абэ сделал примечательное заявление: «Никто не защитит нашу страну, если у нас не будет собственного стремления сделать это своими же руками. Мы должны повесить свои оборонные способности и расширить роль, которую мы играем в обеспечении своей безопасности» (март 2017 г.). Не прошло и двух месяцев, как в мае (именно в день празднования 70-летия конституции) призывы к «реинтерпретации» мирной конституции сменились прямым обещанием премьер-министра радикально изменить Основной закон страны и ввести его в силу в 2020 г. По его словам, «мы должны быть уверены, что уже при ны-

нешнем поколении аргумент, будто силы самообороны являются чем-то неконституционным, больше не будет работать». Следует отметить, что нация расколота в отношении ревизии конституции, а основные оппозиционные партии солидарно выступают против такого шага.

Мысль о возможном перевооружении Японии закономерно вызывает опасения стран, пострадавших от японского милитаризма, в первую очередь, это относится к Китаю и Республике Корея. Однако, было бы ошибкой считать, что Япония находится в изоляции в регионе: ряд государств Азии относится к ней как к важному экономическому партнеру, а также как к партнеру в области безопасности, страной, позитивно влияющей на мир. Так, некоторые члены АСЕАН (Вьетнам и – до недавних пор – Филиппины), пострадавшие от фактической «национализации» Китаем Южно-Китайского моря, приветствовали японскую (нелетальную) военную помощь и поддержали Японию в конфликте вокруг островов Сэнкаку. Это, конечно, не означает, что в Юго-Восточной Азии предпочли бы видеть Японию в качестве военной державы, которая играла бы роль гегемона в регионе: там тоже помнят о японской геополитике 1930–1940-х гг. Однако на фоне возвышения Китая и усиления споров вокруг Южно-Китайского моря страны АСЕАН ожидают, что Япония будет как-то противостоять китайскому влиянию хотя бы политическими мерами, например в формате дискуссий в АРФ (Асеановский региональный форум).

Так или иначе, в последние годы шаги Японии в военно-стратегической сфере заставляют обозревателей задуматься о том, не вступает ли Япония в новый цикл геополитики. Они предполагают, что постепенно происходит выработка какого-то нового консенсуса в национальной геостратегии. Похоже, что, новый вариант геополити-

ческой доктрины будет подразумевать более значительную степень автономии Японии от фарватера американской политики при углублении интеграционных экономических связей с восточноазиатскими странами.

Как уже отмечалось, в течение многих лет незаменимым источником экономического развития членов АСЕАН служила японская помощь (гранты и низкопроцентные займы), а сама Япония была безусловно крупнейшим донором ОПР в этой части света. Перспективы экономического прогресса значительной части развивающихся азиатско-тихоокеанских государств чаще всего (особенно до начала XXI в., да в значительной степени и сейчас) были тесно связаны с японской помощью развитию (ОПР) и последующими частными капиталовложениями японских корпораций. Официально по объемам нетто-помощи в нынешнем столетии страна откатилась с первого на пятое место. Увеличивать ее размеры сложно, хотя бы потому, что в самой стране требуются гигантские инвестиции для восстановления последствий тройной катастрофы 2011 г. в Фукусиме. Вместе с тем, по размерам брутто-помощи (т. е. без учета возврата странами-должниками займов XX столетия) Япония уверенно занимает 2-е место после США.

Все же по мере развития своего геоэкономического инструментария с начала нынешнего столетия Япония решила постепенно переключаться от опоры на ОПР к новым формам международного сотрудничества – к так называемым соглашениям о свободной торговле (ССТ) или соглашениям об экономическом партнерстве (СЭП). Естественным образом первыми партнерами Японии в рамках подобных соглашений стали государства-члены АСЕАН – Сингапур, Малайзия, Бруней, Таиланд, Индонезия, Филиппины и Вьетнам. Кроме стран, входящих в АСЕАН, соглашения были заключены с

рядом стран АТР: Мексикой, Перу, Чили, Канадой, Индией, Монголией, Австралией. В добавление к двусторонним соглашениям в 2007 г. Япония заключила СЭП с АСЕАН как с единой группировкой, хотя и сделала это на 5 лет позже, чем Китай. На самом деле в Юго-Восточной Азии происходит не слишком видимая на поверхности, но жесткая борьба за влияние между Японией и Китаем, причем создается впечатление, что вперед вырвался Китай. Так, в 2003 г. Китай опередил Японию в присоединении к Договору о дружбе и сотрудничестве АСЕАН, Япония сумела сделать это только годом позже. Между тем, указанный договор рассматривается Ассоциацией как фундамент политического сотрудничества со странами за ее пределами. По своему экономическому влиянию Китай выигрывает «соревнование» и в Латинской Америке, и, особенно, в Африке (появился даже термин «Афрокитай»).

Японские ССТ с азиатскими и латиноамериканскими странами имеют ряд особенностей, прежде всего низкий уровень либерализации по сравнению с теми соглашениями, которые обычно заключают другие развитые страны. Ни один из торговых пактов не включает в себя свободный импорт сельскохозяйственных продуктов, таких как рис, говядина, свинина, сахар, молочные продукты. Не предполагается также возможность импорта в Японию рабочей силы из стран-сигнаториев (кроме 2–3-х профессий из трех стран АСЕАН). За границей считают, что японские ССТ и СЭП никак не могут претендовать на статус всеобъемлющих преференциальных соглашений, порой их называют даже «грязными». Тем не менее, более слабые партнеры из ЮВА были вынуждены соглашаться на неравноправные японские условия, опасаясь оказаться «лузерами» на фоне других развивающихся стран, которые уже имели такие соглашения. Кроме того, подписавшие соглашения государства надеялись на то, что они

повлекут за собой зримый прирост японских частных прямых инвестиций на их территории.

В придачу к двусторонним ССТ (СЭП), с 2010 г. Япония оказалась – не по своей инициативе – глубоко вовлеченной в грандиозный экономический проект – переговоры о членстве в Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП). Идею создания такого сообщества озвучил в Токио президент Б. Обама. Широкая интеграция многих тихоокеанских государств предполагала устранение барьеров для свободного передвижения товаров, капиталов и услуг, и создание экономического блока нового типа. В первую очередь, он выглядел как попытка Обамы создать американский центр сотрудничества в регионе в противовес усилению китайского экономического веса и влияния в Восточной Азии. Предполагалось, что ТТП окажется чрезвычайно выгодным для американских корпораций предприятием, и, в конечном итоге, будет способствовать удвоению экспорта США (по стоимости). В течение ряда лет к американскому предложению присоединилось в общей сложности 10 стран АТР (включая Канаду, Мексику, Австралию и т. д.).

Вопрос об участии в этом торговом блоке стал важным для Японии. Возможное вхождение Токио в Партнерство вызвало сильный раскол в японском обществе. Политические последствия опоры на ТПП могли быть чрезвычайно серьезными для будущего страны. Без вхождения в ТТП Япония в экономическом отношении оказывается один на один с Китаем, что означало увеличение рисков по многим позициям. С другой стороны, как отмечала японская печать, присоединение к проекту в сущности означало бы отмену национальных границ в регионе и фактическую полную американизацию Японии. Правда, учитывая то, что на США и Японию, вместе взятые, приходилось около 90% экономики всех 12 стран, «тихоокеанское

партнерство» фактически означало бы японо-американское соглашение о свободной торговле.

Возможные «плюсы» и «минусы» участия в ТТП усиливали раскол не только в обществе, но и в верхних эшелонах власти, поскольку соглашение в принципе потребовало бы от Японии полного открытия аграрного, медицинского, юридического и ряда других ключевых секторов. Сельскохозяйственные организации, взбудораженные возможной либерализацией импорта риса, возглавили сопротивление участию в ТТП. Лидеры обрабатывающей промышленности, напротив, горячо поддержали вступление в торговый супер-блок, запугивая общество в противном случае массовой потерей рабочих мест и индустриальным «выхолащиванием» Японии в случае отказа от членства в ТТП.

Диаметриально разные подходы к тихоокеанской интеграции затрудняли выбор стратегии со стороны Демократической партии, правящей в 2009–2012 гг. С точки зрения администрации Обамы, до возвращения к руководству страной ЛДП (2013 г.) Япония играла деструктивную роль в строительстве Транс-Тихоокеанского партнерства. Кабинет Абэ согласился позитивно участвовать в переговорах, и в конце 2015 г. всеобъемлющее соглашение между двенадцатью странами было достигнуто в г. Атланта (США) и торжественно подписано в г. Окленде (Новая Зеландия) в начале 2016 г.

Между тем, в США разгоралась предвыборная президентская кампания, в ходе которой республиканец Доналд Трамп выступил резким противником соглашения о ТТП. В ноябре 2016 г. он победил на выборах и пообещал вывести США из соглашения сразу после вступления в должность – ради защиты рабочих мест в американской обрабатывающей промышленности от иностранной конкуренции – и сдержал свое обещание.

Как видно, ситуация изменилась самым парадоксальным образом. США, которые раньше (при Обаме) инициировали процесс торговой либерализации в АТР, стали (при Трампе) могильщиком всей этой концепции. Наоборот, Япония, которая долгое время противилась созданию ТТП, превратилась в его горячего сторонника. Правительство Абэ – с большим трудом и единственное в АТР – сумело провести через парламент ратификацию соглашения и надеялось, что это может послужить примером для других тихоокеанских стран. Премьер-министр спешно вылетел в Нью-Йорк с намерением убедить Трампа изменить свою позицию. Попытка окончилась неудачей, и Абэ с горечью констатировал, что без Америки организация не имеет смысла. В международных СМИ небезосновательно отмечали, что новый президент США уничтожением ТТП буквально толкает Японию в геополитические объятия Китая.

Между тем, Китай проявил готовность заменить США в качестве лидера как торговой либерализации, так и масштабного развития инфраструктуры в АТР и за его пределами. Одна из концепций, которую выдвинули и поддерживают китайские лидеры, именуется «Один пояс – один путь» (OBOR, или «новый Шелковый путь») как реминисценция великого шелкового пути, который существовал в древности. Она была впервые анонсирована председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., но по сути дела объединяет два проекта: сухопутный «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», которые ведут в Западную Европу, Ближний Восток, в Африку и даже в Новую Зеландию. Фактически в Китае считают свою потенциальную мощь способной объединить стратегию талассократии (морское могущество) с теллуократией (сухопутное могущество).

Для финансирования столь масштабного двойного проекта Китаем был создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ, АИВ), объективно выступающий конкурентом Азиатского банка развития (АБР), который в значительной степени контролируется Японией. По состоянию на май 2017 г. о намерении войти в число членов «китайского» банка объявили уже 70 стран, включая ведущие европейские державы (против 67 стран-участниц АБР). Реализация в полном объеме всего того, что задумала КНР, потребует даже не многомиллиардных, а триллионных затрат, и японские капиталовложения могли бы существенно облегчить финансовое бремя Китая и других участников. Поэтому, руководство банка подчеркивает, что позитивно оценивает ведущую роль, которую сыграла Япония в развитии регионального сотрудничества в АТР, и приглашает ее принять участие в проекте «Один пояс – один путь». Считая, что в организации обоих предприятий едва ли удастся избежать гегемонии Китая, в Токио пока воздерживаются от однозначной реакции на предложение Пекина, по крайней мере, не критикуют его.

Другой проект, «Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство» (РВЭП, англоязычная аббревиатура – RCEP), был первоначально выдвинут блоком АСЕАН в 2013 г. и полностью поддержан со стороны КНР. По состоянию на весну 2017 г. в переговорах участвуют 16 стран, включая державы, которые не привлекались к попытке создать ТТП (в первую очередь Индия и Китай), но исключая США. По своему размаху РВЭП даже превосходит масштабы неудавшегося ТТП, поскольку на территории возможных стран-участниц проживает 3,4 миллиарда человек, а их суммарный ВВП составляет около 30% мирового ВВП. В рамки РВЭП предполагается включить такие сферы как свободное перемещение товаров, инвестиций, экономическое и техническое сотрудничество, но в от-

личие от ТПП, оно более гибко и не требует от стран-участниц соблюдения одинаковых стандартов в области трудовых отношений и экологии. На данном этапе Япония принимает участие в переговорах РВЭП, но их будущее пока не ясно, в частности, из-за натянутых отношений между двумя главными игроками – КНР и Индией.

Поскольку собственная гегемония Японии в АТР практически исключена, вопрос, казалось, вставал так: выберет ли Япония присоединение к организации, находящейся под сильным китайским влиянием (или даже патронажем) или будет стремиться к двустороннему соглашению о свободной торговле с США, с которыми ее связывает стратегический договор безопасности. Проще говоря, будет ли Япония ориентироваться на Китай или на США?

Красной нитью в японской печати проходит мысль о том, что если политические элиты не смогут выработать твердую стратегию и мудрую внешнюю политику, то страна рискует оказаться пешкой в чужой игре; помня об этом риске, она должна оттачивать свое геополитическое видение. Возможно, попыткой в этом направлении является новый зигзаг в японской экономической политике. Несмотря на недавний скептицизм премьер-министра (утверждавшего, что без Соединенных Штатов ТТП не имеет смысла) японское правительство с апреля 2017 г. инициировало диалог со всеми другими десятью членами несостоявшегося Партнерства. Ответственным за «усеченное» (без США) ТТП назначен заместитель министра иностранных дел Катаками Кэйити, который в мае 2017 г. встретился с коллегами по АТР в Торонто (Канада), где выразил надежду на то, что обновленное ТТП можно будет подписать в ноябре того же года на саммите АТЭС во Вьетнаме. Без США Япония становится крупнейшей экономикой предполагаемого партнерства, но будет ли оно работать без США, на данном этапе звучит проблематично.

Пока что японское руководство политически достаточно твердо стоит на союзнических позициях с США, что не выглядит удивительным, учитывая угрозы со стороны КНДР. Так, в апреле – мае 2017 г. Япония впервые задействовала свой самый большой военный корабль (вертолетоносец «Идзумо») для сопровождения американской эскадры во главе с авианосцем «Карл Винсон» в направлении КНДР. Тем не менее, в перспективе подчинение Японией своих региональных интересов американской стратегии не гарантировано. Как еще двадцать лет назад отмечал З. Бжезинский, в случае отмены или выхолащивания американо-японского договора безопасности перед Японией предстает альтернатива: либо согласиться с региональным господством КНР, либо осуществить широкую, крайне дорогостоящую и очень опасную программу военного перевооружения. Похоже, совет маститого американского теоретика и практика политики остается наиболее приемлемым для Японии и звучит так: продолжать пользоваться преимуществами американо-японского союза, но не позволять втянуть себя в анти-китайскую коалицию, если таковая возникнет. В таком случае страна могла бы стать азиатским аналогом Канады. Т. е. государством, которое в мире уважают за конструктивное использование своего богатства и технологий, но которого не боятся.

До недавних пор геополитическое будущее страны рассматривалось в рамках треугольника США – Китай – Япония. Однако на подходе еще одна великая экономическая держава – Индия, с которой уже нельзя не считаться. Международный валютный фонд прогнозирует, что по размерам ВВП Индия к 2030 г. выйдет на третье место в списке самых крупных экономик мира после США и Китая. Япония вполне отдает себе отчет в будущем глобальном значении Индии (хотя их товарооборот пока в разы уступает китайско-японской тор-

говле). Индия является крупнейшим получателем японской помощи развитию, между Токио и Дели подписано соглашение об экономическом партнерстве, а также (в 2008 г.) пакт безопасности, проводятся совместные военно-морские учения. Более того, премьер-министр Абэ выдвинул идею создания в Индо-Тихоокеанском бассейне так называемого демократического алмаза (ромба) безопасности (democratic security diamond) по периметру Индия – Япония – Гавайские острова – Австралия. Выступая в индийском парламенте, японский руководитель не скрывал, что все четыре участника такого стратегического альянса испытывают общее беспокойство по поводу растущей китайской мощи.

Отдельной строкой проходит политика Японии в отношении Российской Федерации. Как известно, даже сейчас, через 70 с лишним лет после окончания Второй мировой войны между обеими странами не заключен мирный договор, что отрицательно влияет как на их экономические связи, так и обмен людьми (в частности, мешает установлению безвизового режима).

В годы холодной войны американцы сумели использовать японский национализм против Советского Союза. Япония и сама была психологически готова к противостоянию, поскольку в ней долгое время существовала настороженность в отношении северного соседа. Эта настороженность вытекала не только из-за проблем Южных Курил и деятельности антисоветских радикалов. Элиты страны чувствовали себя уязвленными игнорированием Японии как великой державы: ни один советский верховный лидер (до М.С. Горбачева) не посещал их страну. У многих японцев по традиции из поколения в поколение передавалось мнение о России как о стране холода, как о грубом «северном медведе», поэтому и современная Российская Федерация не принадлежит к числу наиболее импонирующих японцам

государств. Каждый непродуманный шаг СССР/России (например, сбитие самолета корейской авиакомпании с японцами на борту или огонь на поражение по японским рыбакам-браконьерам) широко тиражируется в Японии и ухудшает имидж ее северного соседа.

Совсем отказаться от территориальных претензий к России не может ни один японский политик, если хочет таковым оставаться. Но между тем, в стране существует влиятельные силы, которые стремятся смягчить жесткую линию по вопросу территориального спора, выступают за расширение экономического сотрудничества, вынося этот конфликт за скобки. Например, Япония намного слабее, чем страны НАТО, отреагировала на присоединение Крыма к России в 2014 г., а ее антироссийские санкции оказались значительно мягче. Влиятельный политик и бывший премьер-министр страны Хатояма Юкио в 2015 г. даже совершил почти официальную поездку в Крым и одобрил его вхождение в состав России. Премьер-министр Абэ, единственный из руководителей «большой семерки», присутствовал на открытии зимней Олимпиады в Сочи, после чего участвовали двусторонние встречи на высшем уровне.

До недавних пор устойчиво рос объем двустороннего товарооборота, а также заметно нарастали капиталовложения японских корпораций в России, в частности в нефтегазовый комплекс Дальнего Востока, в автосборочные заводы Санкт-Петербурга и т. д. В настоящее время по ряду экономических причин торгово-экономические связи между странами показывают понижающую динамику: товарооборот упал с 34 миллиардов долларов в 2013 г. до 16 миллиардов долларов в 2016 г.; текущие японские инвестиции просели на 80% относительно 2013 г.

При этом и в России, и в Японии существуют надежды на то, что возможное сотрудничество на Южно-Курильских островах смо-

жет как-то переломить негативный тренд. Это основывается на итогах визита президента В.В. Путина на родину премьера-министра Абэ – префектуру Ямагути и в Токио (декабрь 2016 г.) и последующей поездки Абэ в Москву (апрель 2017 г.) Необычная частота встреч верховных руководителей обеих стран объясняется прежде всего тем, что Абэ обещал сделать все возможное для заключения мирного договора с Россией во время своего правления. В мировой прессе отмечается также, что параллельной целью исключительной активности японского руководства на российском направлении служит стремление как-то уравновесить слишком тесное сближение российских властей с КНР. Абэ даже признал, что до последнего времени Япония добивалась мирного договора неправильными методами. По итогам переговоров обе стороны констатировали, что важным шагом на пути к полной нормализации отношений могут стать консультации о совместной хозяйственной деятельности обеих держав на юге Курильского архипелага. 2018 год объявлен «годом России в Японии» и «годом Японии в России». При этом отмечалось, что любые договоренности о налаживании совместной деятельности и ее осуществление не должны наносить ущерба позициям России и Японии по проблеме мирного договора. В Москве и Токио были назначены высокопоставленные чиновники в ранге замминистров, ответственные за ведение диалога; состоялись встречи министров обороны и иностранных дел. В качестве наиболее реальных сфер регионального сотрудничества на Курилах на первых порах рассматриваются добыча рыбы и морепродуктов, туризм, дистанционная медицина, ряд других областей.

Правда, на пути реализации задуманного сотрудничества имеются определенные трудности. Российская сторона, естественно, настаивает на том, чтобы при освоении Курил там действовали россий-

ские законы, а кабинет Абэ хочет решить этого вопрос как-то иначе, возможно путем превращения этих территорий в некое подобие кондоминума. Среди японских предложений выделяется идея о введении общей электронной валюты, которая будет действовать на островах, заменив и рубли, и иены. Пример со специальной валютой отражает желание японских переговорщиков создать в зоне сотрудничества некую «особую систему», которая не уязвит японский суверенитет. Как бы там ни было, есть надежды, что на южных островах Курильской гряды появится совместный экономический кластер, который послужит катализатором дальнейшего сотрудничества и приведет к мирному договору. При наличии такого договора Япония могла бы стать пусть не геополитическим союзником, но, по крайней мере, очень ценным партнером для России, хотя бы в силу географической близости сибирских и дальневосточных природных ресурсов.

* * *

За годы с начала XXI в. Япония прошла в геополитическом и в геоэкономическом смысле не слишком удачный путь и действительно оказалась на перепутье (одна из последних книг в Японии на эту тему красноречиво называется «Новейшая история Японии в геополитической ловушке»). Страна застряла в территориальных спорах с ближайшими соседями – Россией (Южные Курилы), Китаем (острова Сэнкаку) и Республикой Корея (скалистые острова Такэсима, или Докто). К западу от нее растет угроза ракетно-ядерного потенциала КНДР. С 2010 г. Китай официально обозначен в Японии как главная военная угроза нации. Неясны перспективы сохранения американского «военного зонтика», особенно при новом президенте Трампе в США. При более или менее благоприятном – из-за японской

помощи – отношении стран АСЕАН к Японии она уже давно не является для них «маяком» или моделью для подражания. Во внешне-экономическом плане почти для всех контрагентов в Азии и в мире она перестала быть торговым партнером «номер 1». Внешнеторговый товарооборот Китая (вместе с Гонконгом) почти в 4 раза превышает японский показатель. В этой связи ученые и обозреватели часто задаются вопросом о стратегии, которую примет Япония в обозримом будущем, чтобы как-то обозначить свое влияние.

Однако никакие прогнозы невозможны без учета демографической ситуации. Важнейшим геополитическим фактором для Японии становятся количественные и качественные характеристики населения, быстро сокращающегося и стареющего. Образно говоря, Япония, будучи страной с самой долгой продолжительностью жизни в мире, в то же время проваливается в демографическую яму. С 2009 г. ежегодно на 200–250 тысяч человек снижается численность жителей (на 2016 г. она составляла 126,4 миллиона человек). Коэффициент фертильности в стране является одним из самых низких в мире (1,4 на женщину в детородном возрасте), он совершенно недостаточен даже для простого воспроизводства населения. Впрочем, дело даже не столько в сокращении численности людей (в конце концов, в России проживает не намного больше людей; в Германии же насчитывается всего около 80 миллионов, что не мешает ей быть экономическим «мотором» всей Европы). Суть дела в том, что японское общество самое старое в мире – уже сейчас доля жителей старше 65 лет составляет около 27% без каких-либо перспектив на перелом в ситуации. Это люди нетрудоспособных возрастов, которых обществу нужно кормить и за которыми нужно ухаживать. Процветание нации не сможет длиться долго в ситуации, если доля неспособных поддерживать себя людей приблизится, скажем, к 40% населения. С

уменьшением населения и – главное – с его постарением Япония рискует столкнуться с опустошением своего политического и военного потенциала.

Растущая «пенсионаризация» населения означает одновременно снижение внутреннего спроса и налоговой базы, а также дальнейшее снижение конкурентоспособности японских товаров и услуг. Для того, чтобы поддержать свою конкурентоспособность хотя бы на прежнем уровне, Японии, по разным прогнозам, требуется принимать у себя от 500 тысяч до одного миллиона рабочих-иммигрантов трудоспособных возрастов ежегодно. И хотя экономически это необходимо, психологически ни правительство, ни население Японии не готовы к такому притоку иностранцев. Японское общество в своем большинстве не желает массированного присутствия иностранцев, ибо для них это будет уже не их привычная страна. Япония практически не принимает даже беженцев из тех мест, где они преследуются по политическим или религиозным мотивам. Нынешнее поколение японцев скорее готово к тому, чтобы страна превратилась во второразрядную державу, чем стать мультикультурной нацией наподобие стран Европы и США.

В настоящее время в стране и за рубежом проигрываются различные сценарии геополитического поведения японских элит при сокращении активного населения. Будет ли Япония стараться держать баланс между Китаем и США или пристанет к одной из этих держав? Не изменится ли вдруг ее «настроение» и не встанет ли она на путь милитаризации и военного экспансионизма с перспективой опять потерять все, как в 1945 г.? Станет ли она просто меньшим и более замкнутым государством социального обеспечения без возможности сохранить свои минимальные стратегические интересы? Переломит ли Япония свою идиосинкразию и начнет в массовом по-

рядке приглашать иностранных рабочих и специалистов? Станет ли она великим экспортером мод, дизайна, массовой культуры, образа жизни и в целом за счет «мягкой силы», способной обеспечить процветание постаревшей нации? Смирится ли она с участью быть «азиатской Великобританией» с относительно скромной внутренней экономикой, но с грандиозными капиталовложениями за рубежом, дивиденды от которых будут идти в Токио? А вдруг она найдет потенциал для сплочения стран АТР в обновленном ТТП (без США)? А, может быть, Япония станет первооткрывателем какого-то нового продвинутого пост-потребительского общества, несмотря на снижение внутреннего спроса, и послужит примером для других держав, в которых сокращается население? В любом случае, японское общество и государство ментально находится в переходном периоде. Если судить по истории страны, последующая трансформация может произойти внезапно и, возможно, с тектонической силой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.В., Борисова Л.М., Плучевская Э.В.* Региональная экономика: для бакалавров и специалистов: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2012. 460 с.
- Ахметов В.В., Фролова Е.Л.* Учебно-методический комплекс по дисциплине «География стран Дальнего Востока: Китай, Япония, Корея». Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2011. 200 с.
- Барыгин И.Н.* Международное регионоведение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
- Белов А.В.* Экономика и бизнес современной Японии. СПб.: Свое издательство, 2014. 276 с.
- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.
- Василенко И.А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: учебное пособие. М.: Логос, 2001. 200 с.
- Василенко И.А.* Геополитика (учебник для бакалавров). М.: Юрайт, 2015. 420 с.
- Витковский С.М.* Японо-китайское соперничество в странах «третьего мира» на современном этапе // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 4. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1551&Itemid=232 (дата обращения: июнь 2012).

- Говоров Ю.Л.* История стран Азии и Африки в средние века. Основы лекционного курса. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1998.
- Губарев В.К.* География мира: справочник школьника и студента. Ростов-на-Дону: Феникс ; Донецк: Кредо, 2007. 606 с.
- Драгункин А.Н., Котков К.А.* Япония – правда и вымыслы. СПб.: Умная планета, 2013. 496 с.
- Исаев Б.А.* Геополитика. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2016. 496 с.
- История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. 5. Мирный договор / под общ. ред. Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити. М.: Иностранная литература, 1958. 508 с.
- История Японии: учебник для студентов вузов / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2015. 560 с.
- Ковригин Е.Б.* Политические аспекты японской ОПР // Знакомьтесь – Япония. 2001. № 31.
- Ковригин Е.Б.* Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // Пространственная экономика. 2012. № 3. С. 9–33. DOI: 10.14530/se.2012.3.009-033
- Ковригин Е.Б.* Япония и соглашение о Транстихоокеанском партнерстве // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 37–54. DOI: 10.14530/se.2016.2.037-054.
- Ковригин Е.Б., Суслов Д.В.* Соглашения о свободной торговле как инструмент внешнеторговой политики Японии в начале XXI века // Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 21–42; № 2. С. 89–110.

- Максаковский В.П.* Общая экономическая и социальная география. Курс лекций. В 2 ч. М.: Владос, 2009. Ч. 1. 367 с. Ч. 2. 525 с.
- Мещеряков А.Н.* Быть японцем. М.: Наталис, 2009. 592 с.
- Михеев В.В.* Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 4. С. 50–60.
- Российско-японские отношения в формате параллельной истории / под ред. А.В. Торкунова, Маото Йокибэ. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.
- Симония А.А.* Мьянма: арена «большой игры» за политическое влияние в Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 10. С. 76–84.
- Совастеев В.В.* Геополитика Японии с древнейших времен до наших дней. Владивосток: Дальневосточный университет, 2009. 132 с.
- Социально-экономическая география зарубежного мира / под ред. В.В. Вольского. М.: Дрофа, 2005. 560 с.
- Социально-экономическая география Японии / под ред. И.С. Тихоцкой. М.: Аспект Пресс, 2016. 528 с.
- Стрельцов Д.В.* Официальная помощь развитию – важнейший фактор внешней политики Японии // *Внешняя политика Японии: история и современность* / под ред. Э.В. Молодяковой. М.: Восточная литература, 2008. С. 257–277.
- Треварта Г.Т.* Япония. Физическая и экономическая география: пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1949. 604 с.
- Япония и Россия: национальная идентичность сквозь призму образов / под ред. Ю.Д. Михайловой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. 256 с.

- Araki M.* The Japan ODA Model That Began Life in Southeast Asia // Asia-Pacific Review. 2007. Vol. 14. No. 2. Pp. 17–29. DOI: 10.1080/13439000701733218.
- Arase D.* Buying Power: The Political Economy of Japan's Foreign Aid. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1995. 307 p.
- Black J.* Geopolitics and the Quest for Dominance. Bloomington: Indiana University Press, 2015. 335 p.
- Cassen R.* Does Aid Work? Oxford University Press, 1986. 381 p.
- Center for Global Development. URL: www.cgdev.org/content/publications/detail/13953 (дата обращения: июнь 2012).
- Chinese-Japanese Relations in the Twenty First Century: Complementarity and Conflict / ed. by M. Soderberg. London ; New York: Routledge, 2002. 224 p.
- Datuk Seri Mustapa Mohamed. TPPA – Answers to Concerns, Misunderstandings and Allegations / The Ministry of International Trade and Industry. Kuala Lumpur, 2016. 81 p.
- Drifte R.* Japan's Foreign Policy in the 1990s: From Economic Superpower to What Power? Basingstoke: Macmillan Press, 1996. 209 p.
- Drifte R.* The Ending of Japan's ODA Loan Programs to China – All is Well That Ends Well? // Asia-Pacific Review. 2006. Vol. 13. No. 1. Pp. 94–117.
- Drysdale P.* Asia's Next Growth Frontier // Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific (East Asia Forum, Canberra). 2016. 1 May.
- Edstrom B.* Japan's ODA Still Going Strong // Policy Brief. 2012. No. 95. 23 May.
- Fifty Years of Japan's ODA / Ministry of Foreign Affairs of Japan. Tokyo, 2005.

- Foreign aid Competition in Northeast Asia / ed. by Kim Hyo-sook, D. Potter. Sterling: Kumarian Press, 2012. 245 p.
- Foreign Policy Overview / Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/index.html> (дата обращения: июнь 2012).
- Funabashi Y.* Trump's Japan-Bashing and the Security Alliance // The Japan Times. 2016. 30 May.
- Fuse K. et al.* Everything you Need to Know About TPP. Токио: Shinyusha, 2012. (На яп. яз.).
- Give Japan's New Leader the Benefit of the Doubt on Free Trade / Better Late Than Never // The Economist. 2013. 23 March.
- Hamanaka S.* Asian Regionalism and Japan: The Politics of Membership in Regional Diplomatic, Financial and Trade Groups. London ; New York: Routledge, 2009. 234 p.
- Hatch W., Yamamura K.* Asia in Japan's Embrace. Cambridge University Press, 1996. 282 p.
- Helmann D.* The United States, ODA and Infrastructure Development of APEC Countries // APEC and Development Cooperation / ed. by A. Mohamed. Singapore, 1998. Pp. 92–102.
- Hiromiya T.* TPP Will Destroy Japan. Tokyo: Fusosha Shinsho, 2011. (На яп. яз.).
- Hirono R.* Japan Environmental Cooperation with China During the Last Two Decades // Asia-Pacific Review. 2007. Vol. 14. No. 2. Pp. 1–16.
- Hook G. et al.* Japan's International Relations: Politics, Economics and Security. London ; New York: Routledge, 2005. 672 p.
- International Trade Statistics 2015 / World Trade Organization. URL: www.wto.org/statistics (дата обращения: май 2016).

- Intharathai K.* Japan's Development from the Viewpoint of the Southeast Asian // *Japan Quarterly*. 1979. Vol. 26. No. 2. Pp. 219–229.
- Iokibe M.* ODA as a Foreign Policy Tool // *Japan Review of International Affairs*. 2003. Vol. 17. No. 2. Pp. 105–127.
- Japan. Development Cooperation Review Series. No. 13. Paris: OECD, 1996. 76 p. DOI: 10.1787/9789264025578-en.
- Japan's Foreign aid Challenge: Policy Reform and Aid Leadership / ed. by A. Rix. New York: Routledge, 1993. 208 p.
- Japan's International Relations: Politics, Economics and Security / ed. by H. Glennet et al. London ; New York: Routledge, 2005. 576 p.
- Japan's International Relations: Politics, Economy, Security / ed. by H. Glennet et al. London ; New York: Routledge, 2012. 572 p.
- Japan's ODA White Paper / Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_000017.html (дата обращения: январь 2014).
- Japan's Official Development Assistance Charter / Government of Japan, Ministry of Foreign Affairs, Economic Cooperation Bureau. 2003. 29 August. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/oda/reform/revision0308.pdf> (дата обращения: май 2012).
- Japanese Aid and Construction of Global Development: Inescapable Solutions / ed. by D. Leheni, K. Warren. London ; New York: Routledge, 2012. 312 p.
- Katada S.* Japan's Two-Track Approach: The Forces Behind Competing Trends // *Asian Survey*. 2002. Vol. 42. No. 2. Pp. 320–342.
- Katada S.* Old Visions and New Actors in Foreign Aid Politics: Explaining Changes in Japanese ODA to China // *Japanese Aid and Construction of Global Development: Inescapable Solutions* / ed. by D. Leheny, K. Warren. London: Routledge, 2012. 304 p.

- Kohno M., Rosenbluth F.* Japan and the World: Japan's Contemporary Geopolitical Challenges. New Haven: Yale CEAS Occasional Publications, 2008. 313 p.
- Kurusu K.* Japan as an Active Agent for Global Norms: The Political Dynamism Behind the Acceptance and Promotion of Human Security // *Asia-Pacific Review*. 2011. Vol. 18. No. 2. Pp. 115–137. DOI: 10.1080/13439006.2011.630854.
- Lim Hua Sing.* Japan's Role in Asia: Mutual Development or Ruthless Competition? Singapore: Times Academic Press, 2003. 284 p.
- Miyagawa M.* Comment on Free Trade Agreements and the Prospects for Regional Integration in Asia // *Asian Economic Policy Review*. 2006. Vol. 1. Issue 2. Pp. 324–325. DOI: 10.1111/j.1748-3131.2006.00038.x.
- Mulgan A.G.* The Policy Research Council – A Stumbling Block to Japan's Participation in the TPP // Australian National University. APEC Economies Newsletter. Vol. 16. No. 8. 2012. 2 p.
- Mulgan A.G.* Why Japan is Lagging on the TPP // Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific (East Asia Forum, Canberra). 2012. 30 May.
- Naisbitt J.* Megatrends Asia: The Eight Asian Megatrends That Are Changing the World. London: Nicholas Brealy Publishing, 1995. 271 p.
- Nester W.* Japan and the Third World: Patterns, Powers, Prospects. New York: St. Martin's Press, 1992. 323 p.
- Nishigaki A.* A New Phase in Japanese Economic Cooperation // *Asia-Pacific Review*. 2000. Vol. 7. No. 1. Pp. 56–65. DOI: 10.1080/713650814.
- OECD Development Assistance Peer Reviews: Japan 2010. OECD, 2011. 130 p. DOI: 10.1787/9789264098305-en.

- Okita S.* Japan in the World Economy of the 1980s. University of Tokyo Press, 1989. 270 p.
- Ordinary Deal: Unmasking the Trans-Pacific Partnership Free Trade Agreement / ed. by J. Kelsey. Sydney: Allen & Unwin, 2011. 288 p.
- Pacific Century: The Emergence of Modern Pacific Asia / ed. by M. Borthwick. Boulder: Westview Press, 2007. 592 p.
- Pesek W.* Japanization: What the World Can Learn from Japan's Lost Decades. Singapore: Bloomberg News, 2014. 256 p.
- Pharr S.* Japan's Defensive Foreign Policy and the Policies of Burden Sharing // Japan's Foreign Policy / ed. by G. Curtis. New York: M.E. Sharpe, 1993. Pp. 235–263.
- Pyle K.* Japan Rising: The Resurgence of Japanese Power and Purpose. New York: Public Affairs, 2007. 433 p.
- Riddell R.* Does Foreign Aid Really Work? Oxford University Press, 2008. 536 p.
- Rozman G.* China's Changing Images of Japan, 1989–2001: The Struggle to Balance Partnership and Rivalry // International Relations of the Asia-Pacific. 2002. No. 1. Pp. 95–129.
- Rozman G.* Northeast Asian Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge University Press, 2004. 412 p.
- Schott J.J. et al.* Understanding the Trans-Pacific Partnership. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2013. 112 p.
- Schraeder P. et al.* Clarifying the Foreign Aid Puzzle: A Comparison of American, Japanese, French and Swedish aid Flows // World Politics. 1998. Vol. 50. No. 2. Pp. 294–323. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0043887100008121>.
- Suzuki Y.* Will It Perish from TPP? The Real Strength of Japanese Agriculture. Tokyo: Dayamondosha, 2013. (На яп. яз.).

- Terada T.* Japan's Post-War Foreign Policy and Diplomacy in Asia and the Pacific. Canberra: Australia-Japan Research Centre, 1995. March.
- The Diplomatic History of Postwar Japan / ed. by Iokibe Makoto. London ; New York: Routledge, 2009. 258 p.
- The Point at Issue in TPP Negotiation and Japan / ed. by K. Ishikawa et al. Tokyo: Bunshindo, 2014. (На яп. яз.).
- The Policy Recommendations on Japan's ODA in the 21 Century / ed. by A. Kusano et al. Tokyo: Japan Forum on International Relations, Inc., 1998. 56 p.
- The Trans-Pacific Partnership: The Quest for a Twenty-first Century Trade Agreement / ed. by C.L. Lim, D.K. Elms, P. Low. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 356 p.
- The US – Japan Alliance: Balancing Soft and Hard Power in East Asia / ed. by D. Arase, T. Akaha. London ; New York: Routledge, 2011. 184 p.
- Todo Y.* How Will the TPP Change the Japanese Economy? URL: http://www.rieti.go.jp/en/columns/s15_0012.html (дата обращения: ноябрь 2015).
- Togo K.* Japan's Foreign Policy. 1945–2009: The Quest for a Proactive Policy. Leiden-Boston: Brill, 2010. 484 p.
- Tong X.* Japan's ODA and the Peoples' Republic of China: Strategic Aid? / Presented at the International Conference on Japan's ODA to East Asian Nations (Bangkok, 21–22 March). 1991.
- Trans-Pacific Partnership Full Text. Washington: Department of Trade, 2016. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text> (дата обращения: апрель 2016).

Trinidad D. Japan's ODA at the Crossroads: Disbursement Patterns of Japan's Development Assistance to Southeast Asia // *Asian Perspective*. 2007. Vol. 31. No. 2. Pp. 95–125.

Van Wolferen K. The Predators Behind the TPP // *The Japan Times*. 2016. 6 February.

Yahuda M. *The International Politics of the Asia-Pacific*. London ; New York: Routledge, 2011. 368 p.

Научное издание

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

монография

Е.Б. Ковригин, канд. экон. наук

Научный редактор – О.М. Рензин, канд. экон. наук

Подписано к печати 19.04.18.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 9,7. Уч.-изд. л. 6,3.

Тираж 200 экз.

Институт экономических исследований ДВО РАН.
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, www.ecrin.ru.

Университет Сэйнан Гакуин.

6-2-92 Nishijin, Sawara-ku, Fukuoka, Japan, 814-8511.

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС.

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33,

<http://dviu.ranepa.ru>.

Отпечатано в Дальневосточном институте управления –
филиале РАНХиГС

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33